

Илья Муромец и Соловей Разбойник

Из того ли то из города из Муромы,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна ворона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролётыват,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьем колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:
- Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.
Говорили мужички ему черниговски:
- Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у поклапыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному,
И от его ли то от посвиста соловьяго,

И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются, -
А что есть людей - то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой - пятьсот есть верст,
А й окольной дорожкой - цела тысяча.

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног пускал.
Подъезжает он ко речке ко Смородине,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному -
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпалися,
Темны лесушки к земле все приклонилися.

Его добрый конь да богатырский
А он на корни да спотыкается -
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белу руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, таковы слова:
- Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корни, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старыя казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки.
Он тетивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да соловьиного.

Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых.
Больша дочка - эта смотрит во окошечко косявчато,
Говорит она да таковы слова:
- Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
А везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована.

Поглядела как другая дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
- Едет батюшка раздольищем чистым полем,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована, -
Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
- Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована -
Ему выбито-то право око со косицею.

Говорила-то й она да таковы слова:
- А й же мужевья наши любимые!
Вы берите-ко рогатины звериные,
Да бегите-ко в раздольице чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!

Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватили как рогатины звериные,
Да и бежали-то они да й во чисто поле
Ко тому ли к мужичище-деревенщине,
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
- Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьецом медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные!

Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
А й зовут мужика да й деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.

Да й мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град
А ко славному ко князю на широкий двор.
А й Владимир-князь он вышел со божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Он сел есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.
А й тут старыя казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Проходил он во столовую во горенку,
На пятау он дверь-то поразмахивал*.
Крест-от клал он по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.

Тут Владимир-князь стал молодца выпрашивать:
- Ты скажи-тко, ты откулешний, дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?

Говорил-то старыя казак да Илья Муромец:
- Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старыя казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
- Ай же старыя казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?
Говорил Илья он таковы слова:
- Ай ты славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христосскую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:

- Ай же мужичища-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество -
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да нз прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А й у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у поклапыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному -
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей - то все мертвы лежат.

Говорил ему Илья да таковы слова:

- Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинуд на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.
Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
- Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему Разбойник Одихмантьев сын:

- Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский.

- Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловья да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Илья да таковы слова:

- Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!

Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,

Закричи-тко ты во полкрика звериного.

Говорил-то ему Соловой Разбойник Одихмантьев сын:

- Ай же старья казак ты Илья Муромец!

Мои раночки кровавы запечатались,

Да не ходят-то мои уста сахарные,

Не могу я засвистать да й по-соловьему,

Закричать-то не могу я по-звериному.

А й вели-тко князю ты Владимиру

Налить чару мне да зелена вина.

Я повыпью-то как чару зелена вина -

Мои раночки кровавы поразойдутся,

Да й уста мои сахарны порасходятся,

Да тогда я засвищу да по-соловьему,

Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:

- Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,

Ты поди в свою столовую во горенку,

Наливай-то чару зелена вина.

Ты не малую стопу - да полтора ведра,

Подноси-тко к Соловью к Разбойнику. -

То Владимир-князь да стольно-киевский,

Он скоренько шел в столову свою горенку,

Наливал он чару зелена вина,

Да не малу он стопу - да полтора ведра,

Разводил медами он стоялыми,

Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.

Соловей Разбойник Одихмантьев сын

Принял чарочку от князя он одной ручкой,

Выпил чарочку ту Соловей одним духом.

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,

Закричал Разбойник по-звериному -

Маковки на теремах покривились,

А околени во теремах рассыпались.

От него, от посвиста соловьего,

А что есть-то людшек - так все мертвы лежат,

А Владимир-князь-от стольно-киевский

Куньей шубонькой он укрывается.

А й тут старый-от казак да Илья Муромец,

Он скорешенько садился на добра коня,

А й он вез-то Соловья да во чисто поле,

И он срубил ему да буйну голову.

Говорил Илья да таковы слова:
- Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!
А тут Соловью ему й славу поют,
А й славу поют ему век по веку

Илья Муромец и Соловей-разбойник (2).

В том ли в городе во Муроме, в том ли в селе Карачарове жила-была семья. И росло в той семье чадо милое - Ильюшенька сын Иванович.

Опечалил он родителей своих - был здоровьем слаб, все в избе на печи лежал и не мог он встать на резвы ноженьки.

Так пролежал на печи он тридцать лет и три годика.

Как в одно утро ранее постучали ко Илюшеньке калики-перехожие. Говорят: "Напои ты нас добрый молодец водой студеной, жажда мучает!" Отвечает им Илюшенька: "Стыдно старые за водой посылать безногого!" Тут напрягся Илюшенька и пошел по сырой земле-матушке. Лишь принес он воды студеной страничкам как они молвили: "А ты испей водицы студеной!" Выпил Илья водицы колодезной. Тут случилось чудо чудное. И почувствовал Илья в себе силу богатырскую.

А как стал Илюшенька богатырем, так отправился совершать подвиги ратные.

Узнал он, что возле города Чернигова сидит враг неведомый. Путь его был далек и опасен. Прямоезжая дорожка закоlodена, закоlodена дорожка замуравлена.

И на добром коне тут никто не прохаживал. Место сие называлось в Черная Грязь, что у реки Смородины. Сидит там Соловей-Разбойник. И свищет он по-соловьиному, кричит по-звериному. И от этого травушка-муравушка заплетается. Все лазоревы цветочки осыпаются. Темны лесушки к земле все преклоняются. И люди, что были там все мертвы лежат.

Когда Муромец подъехал ближе, Соловей засвистел. Его добрый конь стал спотыкаться. Он берет тугой лук разрывчатый и стрелу колену, накладывает и стреляет во врага и выбивает око со косицею. Пристегнул его к стремечку и повез по чисту полю. Прямо в стольный Киев град ко

князю Владимиру. И все приговаривал: "Полно тебе свистать по-соловьиному, полно тебе сиротить да малых детушек!"

Добрыня и Змей

Худ. Константин Васильев

Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да и Никитичу-то матушка наказывала:
- Ты не ездик-ка далече во чисто поле,
На тую гору да сорочинскую,
Не топчи-ка младых змеенышей,
Ты не выручай-ка полонов да русских,
Не купайся, Добрыня во Пучай-реке,
Та Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка как огонь сечет!

А Добрыня своей матушки не слушался.
Как он едет далече во чисто поле,
А на тую на гору сорочинскую,
Потоптал он младых змеенышей,
А й повыручил он полонов да русских.

Богатырско его сердце распотелось,
Распотелось сердце, нажаделось -
Он приправил своего добра коня,
Он добра коня да ко Пучай-реке,
Он слезал, Добрыня, со добра коня,
Да снимал Добрыня платье цветное,
Да забрел за струечку за первую,
Да он забрел за струечку за среднюю
И сам говорил да таковы слова:
- Мне, Добрынюшке матушка говаривала,
Мне, Никитичу, маменька и наказывала:
Что не ездик-ка далече во чисто поле,
На тую гору па сорочинскую,
Не топчи-ка младых змеенышей,
А не выручай полонов да русских,
И не купайся, Добрыня, во Пучай-реке,
Но Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка как огонь сечет!
А Пучай-река - она кротка-смирна,
Она будто лужа-то дождевая!

Не успел Добрыня словца смолвити -
Ветра нет, да тучу нанесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
А й дождя-то нет, да только гром гремит,
Гром гремит да свищет молния -
А как летит Змеище Горынище
О тых двенадцати о хоботах.
А Добрыня той Змеи не приужахнется.
Говорит Змея ему проклятая:
- Ты теперича, Добрыня, во моих руках!
Захочу - тебя, Добрыня, теперь потоплю,
Захочу - тебя, Добрыня, теперь съем-сожру,
Захочу - тебя, Добрыня, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыня, во нору снесу!

Припадает Змея как ко быстрой реке,
А Добрынюшка-то плавать он горазд ведь был:
Он нырнет на бережок на тамошний,
Он нырнет на бережок на здешний.

А нет у Добрынюшки добра коня,
Да нет у Добрыни платьев цветных -
Только-то лежит один пухов колпак,
Да насыпан тот колпак да земли греческой,
По весу тот колпак да в целых три пуда.
Как ухватил он колпак да земли греческой*,
Он шибнет во Змею да во проклятую -
Он отшиб Змеи двенадцать да всех хоботов.

Тут упала-то Змея да во ковыль-траву,
Добрынюшка на ножку он был поверток,
Он скочил на змеиные да груди белые.
На кресте-то у Добрыни был булатный нож -
Он ведь хочет распластать ей груди белые.

А Змея Добрыне ему взмолилася:
- Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:
Тебе не ездити далече во чисто поле,
На тую на гору сорочинскую,
Не топтать больше младых змеенышей,
А не выручать полонов да русских,
Не купаться ти, Добрыне, во Пучай-реке.
И мне не летать да на святую Русь,
Не носить людей мне больше русских,
Не копить мне полонов да русских.

Он повыпустил Змею как с-под колен своих -
Поднялась Змея да вверх под облако.
Случилось ей лететь да мимо Киев-града.

Увидала она Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну,
Идучи по улице по широкой.
Тут припадает Змея да ко сырой земле,
Захватила она Князеву племянницу,
Унесла в нору да во глубокую.

Тогда солнышко Владимир стольно-киевский
А он по три дня да тут былиц кликал**,
А былиц кликал да славных рыцарей:
- Кто бы мог съездить далече во чисто поле,
На тую на гору сорочинскую,
Сходить в нору да во глубокую,
А достать мою, князеву, племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну?

Говорил Алешенька Левонтьевич:
- Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский
Ты накинъ-ка эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича
У него ведь со Змеею заповедь положена,
Что ей не летать да на святую Русь,
А ему не ездить далече во чисто поле,
Не топтать-то младых змеёнышей

Да не выручать полонов да русских.
Так возьмет он Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну,
Без бою, без драки-кроволития. -

Тут солнышко Владимир стольно-киевский
Как накинуд эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича -
Ему съездить далече во чисто поле
И достать ему Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну.

Он пошел домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Встречает государыня да родна матушка,
Та честна вдова Офимья Александровна:
- Ты эй, рожено мое дитяtko,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
Ты что с пиру идешь не весел-де?
Знать, что место было ти не по чину,
Знать, чарой на пиру тебя приобнесли
Аль дурак над тобою насмеялся-де?

Говорил Добрыня сын Никитинец:
- Ты эй, государыня да родна матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Место было мне-ка по чину,
Чарой на пиру меня не обнесли,
Да дурак-то надо мной не насмеялся ведь,
А накинуд службу да великую
А то солнышко Владимир стольно-киевский,
Что съездить далече во чисто поле,
На тую гору да на высокую,
Мне сходить в нору да во глубокую,
Мне достать-то Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну.

Говорит Добрыне родна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
- Ложись-ка спать да рано с вечера,
Так утро будет очень мудрое -
Мудренее утро будет оно вечера.

Он вставал по утрушку ранёшенько,
Умывается да он белёшенько,
Снаряжается он хорошоохонько.
Да идет на конюшню на стоялую,
А берет в руки узду он да тесьмянную,
А берет он дедушкова да ведь добра коня

Он поил Бурка питьем медвяным,
Он кормил пшеной да белояровой,
Он седлал Бурка в седлышко черкасское,
Он потнички да клал на спинушку,
Он на потнички да кладет войлочки,
Клал на войлочки черкасское седлышко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-то клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-то с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырутил.
Подпруги были шелковые,
А шпеньки у подпруг все булатные,
Пряжки у седла да красна золота -
Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец-то на коне сидит да сам не стареет.

Поезжал Добрыня сын Никитинец,
На прощанье ему матушка да плетку подала,
Сама говорила таковы слова:
- Как будешь далече во чистом поле,
На тьи горы да на высокия,
Потопчешь младых змеенышей,
Повыручишь полонов да русских,
Как тьи-то молодые змееныши
Подточат у Бурка как они щеточки,
Что не сможет больше Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Ты возьми-ка эту плеточку шелковую,
А ты бей Бурка да промежу ноги,
Промежу ноги да промежу уши,
Промежу ноги да межу задние,-
Станет твой Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать -
Ты притопчешь всех да до единого.

Как будет он далече во чистом поле,
На тьи горы да на высокия,
Потоптал он младых змеенышей.
Как тьи ли молодые змееныши
Подточили у Бурка как они щеточки,
Что не может больше Бурушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он отряхивать.
Тут молодой Добрыня сын Никитинец
Берет он плеточку шелковую,
Он бьет Бурка да промежу уши,
Промежу уши да промежу ноги,

Промежу ноги межу задние.
Тут стал его Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех да до единого.

Выходила как Змея она проклятая
Из тьи норы да из глубокия,
Сама говорит да таковы слова:
- Ах ты, эй, Добрынюшка Никитинец!
Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал младых змеенышей,
Почто выручал полоны да русские?

Говорил Добрыня сын Никитинец:
- Ах ты, эй, Змея да ты проклятая!
Черт ли тя нес да через Киев-град,
Ты зачем взяла Князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Потятичну?
Ты отдай же мне-ка Князеву племянницу
Без боя, без драки- кроволития.

Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
- Не отдам я тебе князевой племянницы
Без боя, без драки-кроволития!

Заводила она бой-драку великую.
Они дрались со Змеею тут трои сутки,
Но не мог Добрыня Змею перебить.
Хочет тут Добрыня от Змеи отстать -
Как с небес Добрыне ему глас гласит:
- Молодой Добрыня сын Никитинец!
Дрался со Змеею ты трои сутки,
Подерись со Змеей еще три часа:
Ты побьешь Змею да ю, проклятую!

Он подрался со Змеею еще три часа,
Он побил Змею да ю, проклятую,-
Та Змея, она кровью пошла.
Стоял у Змеи он тут трои сутки,
А не мог Добрыня крови переждать.
Хотел Добрыня от крови отстать,
Но с небес Добрыне опять глас гласит:
- Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинец!
Стоял у крови ты тут трои сутки -
Постой у крови да еще три часа,
Бери свое копье да мурзameцкое
И бей копьем да во сыру землю,
Сам копью да приговаривай:
"Расступись-ка, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ка эту кровь да всю змеиную!"
Расступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.

Тогда Добрыня во нору пошел.
Во тыи в норы да во глубокие,
Там сидит сорок царей, сорок царевичей,
Сорок королей да королевичей,

А простой-то силы - той и сметы нет.
Тогда Добрынюшка Никитинец
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
- Вы идите нынь туда, откель принесены.
А ты, молода Забава дочь Потятична,-
Для тебя я эдак теперь странствовал -
Ты поедем-ка ко граду ко Киеву
А й ко ласковому князю ко Владимиру.
И повез молоду Забаву дочь Потятичну.

Садко.

В славном в Нове-граде
Как был Садко-купец, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусельки яровчаты;
По пирам ходил-играл Садко.

Садка день не зовут на почестей пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.
Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Тут-то Садко перепался,
Пошел прочь от озера во свой во Новгород.

Садка день не зовут на почестен пир,
Другой не зовут на почестен пир
И третий не зовут на почестен пир,
По том Садко соскучился.

Как пошел Садко к Ильмень-озеру,
Садился на бел-горюч камень
И начал играть в гусельки яровчаты.
Как тут-то в озере вода всколыбалася,
Показался царь морской,
Вышел со Ильмени со озера,
Сам говорил таковы слова:
- Ай же ты, Садко новгородский!
Не знаю, чем буде тебя пожаловать
За твои за утехы за великие,
За твою-то игру нежную:
Аль бессчетной золотой казной?
А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложу свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов
Лавки товара красного
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба - золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди свяжи шелковой невод
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины - золота перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь!
Пошел Садко от Ильменя от озера,
Как приходил Садко во свой во Новгород,
Позвали Садка на почестен пир.
Как тут Садко новгородский
Стал играть в гусельки яровчаты;
Как тут стали Садка поглаивать,
Стали Садку поднашивать,
Как тут-то Садко стал похвастьявать:
- Ай же вы, купцы новгородские!
Как знаю чудо-чудное в Ильмень-озере:
А есть рыба - золоты перья в Ильмень-озере!

Как тут-то купцы новгородские
Говорят ему таковы слова:
- Не знаешь ты чуда-чудного,
Не может быть в Ильмень-озере рыбы - золоты перья.

- Ай же вы, купцы новгородские!
О чем же бьете со мной о велик заклад?
Ударим-ка о велик заклад:
Я заложу свою буйну голову,
А вы залагайте лавки товара красного.
Три купца повыкинулись,

Заложили по три лавки товара красного,
Как тут-то связали невод шелковой
И поехали ловить в Ильмень-озеро.
Закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли рыбку - золоты перья;
Закинули другую тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли другую рыбку - золоты перья;
Третью закинули тоньку в Ильмень-озеро,
Добыли третью рыбку - золоты перья.
Тут купцы новгородские
Отдали по три лавки товара красного.

Стал Садко поторговывать,
Стал получать барыши великие.
Во своих палатах белокаменных
Устроил Садко все по-небесному:
На небе солнце - и в палатах солнце,
На небе месяц - и в палатах месяц,
На небе звезды - и в палатах звезды.

Потом Садко-купец, богатый гость,
Зазвал к себе на почестен пир
Тых мужиков новгородских
И тых настоятелей новгородских:
Фому Назарьева и Луку Зиновьева.

Все на пиру наедались,
Все на пиру напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Иной хвастает бессчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отчеством.
Славным отчеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшкой,
Безумный хвастает молодой женой.

Говорят настоятели новгородские:
- Все мы на пиру наедались,
Все на почестном напивались,
Похвальбами все похвалялись.
Что же у нас Садко ничем не похвастает?
Что у нас Садко ничем не похваляется?
Говорит Садко-купец, богатый гость:
- А чем мне, Садку, хвастаться,
Чем мне, Садку, похваляться?
У меня ль золота казна не тощится,
Цветно платьице не носится,

Дружина хоробра не изменяется.
А похвастать - не похвастать бессчетной золотой казной:
На свою бессчетну золоту казну
Повыкуплю товары новгородские,
Худые товары и добрые!

Не успел он слова вымолвить,
Как настоятели новгородские
Ударили о велик заклад,
О бессчетной золотой казне,
О денежках тридцати тысячах:
Как повысить Садку товары новгородские,
Худые товары и добрые,
Чтоб в Нове-граде товаров в продаже боле не было.
Ставал Садко на другой день раным-рано,
Будил свою дружину Хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд,
Как повысить товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.

На другой день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Вдвойне товаров принавезено,
Вдвойне товаров принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупал товары новгородские,
Худые товары и добрые,
На свою бессчетну золоту казну.

На третий день ставал Садко раным-рано,
Будил свою дружину хоробрую,
Без счета давал золотой казны
И распускал дружину по улицам торговым,
А сам-то прямо шел в гостиный ряд:
Втройне товаров принавезено,
Втройне товаров принаполнено,
Подспели товары московские
На тую на великую на славу новгородскую.

Как тут Садко пораздумался:
"Не выкупить товара со всего бела света:
Еще повысить товары московские,

Подоспеют товары заморские.
Не я, видно, купец богат новгородский -
Побогаче меня славный Новгород".
Отдавал он настоятелям новгородским
Денежек он тридцать тысячей.

На свою бессчетну золоту казну
Построил Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, тридцать черлёных;
На те на корабли на черлёные
Свалил товары новгородские,
Поехал Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву-реку,
А со Невы-реки во сине море.
Как поехал он по синю морю,
Воротил он в Золоту Орду,
Продавал товары новгородские,
Получал барыши великие,
Насыпал бочки-сороковки красна золота, чиста серебра,
Поезжал назад во Новгород,
Поезжал он по синю морю.

На синем море сходилась погода сильная,
Застоялись черлёны корабли на синем море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломают кораблики черлёные;
А корабли нейдут с места на синем море.

Говорит Садко-купец, богатый гость,
Ко своей дружине ко хоробрые:
- Ай же ты, дружинушка хоробрая!
Как мы век по морю ездили,
А морскому царю дани не плачивали:
Видно, царь морской от нас дани требует,
Требуется дани во сине море.
Ай же, братцы, дружина хоробрая!
Взимайте бочку-сороковку чиста серебра,
Спускайте бочку во сине море,-
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускала бочку во сине море;
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломают кораблики черлёные,
А корабли нейдут с места на синем море.

Тут его дружина хоробрая
Брала бочку-сороковку красна золота,

Спускала бочку во сине море:
А волной-то бьёт, паруса рвёт,
Ломают кораблики черлёные,
А корабли все нейдут с места на синем море.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
- Видно, царь морской требует
Живой головы во сине море.
Делайте, братцы, жеребья вольжаны,
Я сам сделаю на красном на золоте,
Всяк свои имена подписывайте,
Спускайте жеребья на сине море:
Чей жеребий ко дну пойдёт,
Таковому идти в сине море.

Делали жеребья вольжаны,
А сам Садко делал на красном на золоте,
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море.
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по воде плывут,
А у Садка-купца - ключом на дно.
Говорит Садко-купец, богатый гость:
- Ай же братцы, дружина хоробрая!
Этыя жеребья неправильны:
Делайте жеребья на красном на золоте,
А я сделаю жеребий вольжанный.
Делали жеребья на красном на золоте,
А сам Садко делал жеребий вольжанный.
Всяк свое имя подписывал,
Спускали жеребья на сине море:
Как у всей дружины хоробрые
Жеребья гоголем по зоду плывут,
А у Садка-купца - ключом на дно.

Говорит Садко-купец, богатый гость:
- Ай же братцы, дружина хоробрая!
Видно, царь морской требует
Самого Садка богатого в сине море.
Несите мою чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый.

Несли ему чернилицу вальяжную,
Перо лебединое, лист бумаги гербовый,
Он стал именице отписывать:
Кое именье отписывал божьим церквам,
Иное именье нищей братии,
Иное именье молодой жене,
Остатное именье дружине хороброей.

Говорил Садко-купец, богатый гость:
- Ай же братцы, дружина хоробрая!
Давайте мне гусельки яровчаты,
Поиграть-то мне в остатнее:
Больше мне в гусельки не игрывати.
Али взять мне гусли с собой во сине море?

Взимает он гусельки яровчаты,
Сам говорит таковы слова:
- Свалите дощечку дубовую на воду:
Хоть я свалюсь на доску дубовую,
Не столь мне страшно принять смерть во синен море.
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потом поезжали корабли по синю морю,
Полетели, как черные вороны.

Остался Садко на синем море.
Со тоя со страсти со великие
Заснул на дощечке на дубовой.
Проснулся Садко во синем море,
Во синем море на самом дне,
Сквозь воду увидел пекучись красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидел Садко: во синем море
Стоит палата белокаменная.
Заходил Садко в палату белокаменну:
Сидит в палате царь морской,
Голова у царя как куча сенная.
Говорит царь таковы слова:
- Ай же ты, Садко-купец, богатый гость!
Век ты, Садко, по морю езживал,
Мне, царю, дани не плачивал,
А нонь весь пришел ко мне во подарочках.
Скажут, мастер играть в гусельки яровчаты;
Поиграй же мне в гусельки яровчаты.

Как начал играть Садко в гусельки яровчаты,
Как начал плясать царь морской во синем море,
Как расплясался царь морской.
Играл Садко сутки, играл и другие
Да играл еще Садко и третии -
А все пляшет царь морской во синем море.
Во синем море вода всколыбалася,
Со желтым песком вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей на синем море,
Стало много гибнуть именицев,
Стало много тонуть людей праведных.

Как стал народ молиться Миколу Можайскому,
Как тронуло Садку в плечо во правое:
- Ай же ты, Садко новгородский!
Полно играть в гусельки яровчаты! -
Обернулся, глядит Садко новгородский:
Ажно стоит старик седатый.
Говорил Садко новгородский:
- У меня воля не своя во синем море,
Приказано играть в гусельки яровчаты.

Говорит старик таковы слова:
- А ты струночки повырывай,
А ты шпенёчки повыломай,
Скажи: "У меня струночек не случилось,
А шпенёчков не пригодилось,
Не во что больше играть,
Приломались гусельки яровчаты".
Скажет тебе царь морской:
"Не хочешь ли жениться во синем море
На душечке на красной девушке?"
Говори ему таковы слова:
"У меня воля не своя во синем море".
Опять скажет царь морской:
"Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,
Выбирай себе девицу-красавицу".
Как станешь выбирать девицу-красавицу,
Так перво триста девиц пропусти,
А друго триста девиц пропусти,
И третье триста девиц пропусти;
Позади идёт девица-красавица,
Красавица девица Чернавушка,
Бери тую Чернаву за себя замуж...
Будешь, Садко, во Нове-граде.
А на свою бессчётну золоту казну
Построй церковь соборную Миколу Можайскому.

Садко струночки во гусельках повыдернул,
Шпенёчки во яровчатых повыломал.
Говорит ему царь морской:
- Ай же ты, Садко новгородский!
Что же не играешь в гусельки яровчаты?
- У меня струночки во гусельках выдернулись,
А шпенёчки во яровчатых повыломались,

А струнчек запасных не случилось,
А шпенёчков не пригодилось.

Говорит царь таковы слова:

- Не хочешь ли жениться во синем море

На душечке на красной девушке?-

Говорит ему Садко новгородский:

- У меня воля не своя во синем море.-

Опять говорит царь морской:

- Ну, Садко, вставай поутру ранёшенько,

Выбирай себе девицу-красавицу.

Вставал Садко поутру ранёшенько,

Поглядит: идет триста девушек красных.

Он перво триста девиц пропустил,

И друго триста девиц пропустил,

И третье триста девиц пропустил;

Позади шла девица-красавица,

Красавица девица Чернавушка,

Брал тую Чернаву за себя замуж.

Как прошел у них столованье почестен пир

Как ложился спать Садко во перву ночь,

Как проснулся Садко во Нове-граде,

О реку Чернаву на крутом кряжу,

Как поглядит - ажно бегут

Его черленые корабли по Волхову

Поминает жена Садка со дружиной во синем море:

- Не бывать Садку со синя моря!-

А дружина поминает одного Садка:

- Остался Садко во синем море!

А Садко стоит на крутом кряжу,

Встречает свою дружинушку со Волхова

Тут его дружина сдивовалася:

- Остался Садко во синем море!

Очутился впереди нас во Нове-граде,

Встречает дружину со Волхова!

Встретил Садко дружину хоробрую

И повел во палаты белокаменны.

Тут его жена зрадовалася,

Брала Садка за белы руки,

Целовала во уста во сахарные.

Начал Садко выгружать со черлёных со кораблей

Именьице - бессчётну золоту казну.

Как повыгрузил со черлёных кораблей,

Состроил церкву соборную Миколу Можайскому.

Не стал больше ездить Садко на сине море,
Стал поживать Садко во Нове-граде.

Алёша Попович и Тугарин Змеевич

Из славного Ростова красна города
Как два ясные сокола вылетывали -
Выезжали два могучие богатыря:
Что по имени Алешенька Попович млад
А со молодым Якимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремено в стремено богатырское.

Они ездили-гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали,
Не видели они птицы перелетныя,
Не видали они зверя рысучего.
Только в чистом поле наехали -
Лежат три дороги широкие,
Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на камени подпись подписана.

Взговорит Алеша Попович млад:
- А и ты, братец Яким Иванович,
В грамоте поученый человек,
Посмотри на камени подписи,
Что на камени подписано.

И скочил Яким со добра коня,
Посмотрел на камени подписи
Расписаны дороги широкие
Первая дорога в Муром лежит,
Другая дорога - в Чернигов-град.
Третья - ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Яким Иванович:
- А и братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?

Говорил ему Алеша Попович млад:
- Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру -
В те поры поворотили добрых коней
И поехали они ко городу ко Киеву...

А и будут они в городе Киеве
На княженицком дворе,

Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся спасову образу
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксеевне
И на все четыре стороны.

Говорил им ласковый Владимир-князь:
- Гой вы еси*, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут -
А по имени вам можно место дать,
По изотчеству можно пожаловать.
Говорит тут Алеша Попович млад:
- Меня, государь, зовут Алешею Поповичем,
Из города Ростова, сын старого попа соборного.

В те поры Владимир-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
- Гой еси, Алеша Попович млад!
По отчеству садися в большое место, в передний уголок
В другое место богатырское,
В дубову скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь.

Не садился Алеша в место большее
И не садился в дубову скамью -
Сел он со своим товарищем на палатный брус.

Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большее,
И подле него сидела княгиня Апраксеевна.
Тут повары были догадливы -
Понесли яства сахарные ипитья медвяные,
А питья все заморские,
Стали тут пить-есть, прохлаждатися.
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
По целой ковриге за щеку мечет -
Те ковриги монастырские,
И нечестно Тугарин питья пьёт -
По целой чаше охлёстывает,
Которая чаша в полтретья ведра.

И говорит в те поры Алеша Попович млад:
- Гой еси ты, ласковый государь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел?

Что за дурак неотесанный?
Нечестно у князя за столом сидит,
Княгиню он, собака, целует во уста сахарные,
Тебе, князю, насмехается.
А у моего сударя-батюшки
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася -
Взял ее за хвост, да под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!-
Тугарин почернел, как осенняя ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.

И опять в те поры повары были догадливы -
Носят яства сахарные и принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую**,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцем, под стол опустила,
Говорила таковы слова:
- Гой еси вы, княгини-боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича!
Он, взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще ту ковригу монастырскую.

Говорит Алеша на палатном брусу:
- Гой еси, ласковый государь Владимир-князь!
Что у тебя за болван сидит?
Что за дурак неотёсанный?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест -
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебёдушку вдруг проглотил.
У моего сударя-батюшки,
Фёдора, попа ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забиласяна поварню к поварам,
Выпила чан браги пресная,
От того она и лопнула.
Взял за хвост, да под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!

Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул кинжалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича.

Алеша на то-то верток был,
Не мог Тугарин попасть в него.
Подхватил кинжалище Яким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
- Сам ли бросаешь в него или мне велишь?
- Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним переведаюсь.
Бьюсь я с ним о велик заклад -
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове.-
В те поры князя и бояра
Скочили на резвы ноги
И все за Тугарина поруки держат:
Князя кладут по сто рублей,
Бояре по пятьдесят, крестьяне по пяти рублей;
Тут же случились гости купеческие -
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всякие товары заморские,
Которы стоят на быстром Днепре.
А за Алешу подписывал владыка черниговский.

В те поры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльях по поднебесью летать
Скочила княгиня Апраксеевна на резвы ноги,
Стала пенять Алеше Поповичу:
- Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому!

В те поры Алеша не слушался,
Взвился с товарищем и вон пошел,
Садился на добрых коней,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней отпустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
- Создай, боже, тучу грозную,
А й тучу-то с градом-дождя!
Алешины молитвы доходчивы -
Дает господь бог тучу с градом-дождя.
Замочило Тугарину крылья бумажные,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Яким Иванович,

Сказал Алеше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.

И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку острую
И поехал к Тугарину Змеевичу.

Увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:

- Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алеша, конем стопчу,
Али тебя, Алеша, копьем заколю?

Говорил ему Алеша Попович млад:

- Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад.
Бился ты со мной о велик заклад
Биться-драться один на один,
А за тобою ноне силы - сметы нет.-
Оглянется Тугарин назад себя -
В те поры Алеша подскочил, ему голову срубил.
И пала голова на сыру землю, как пивной котел.

Алеша скочил со добра коня,
Отвязал чембур от добра коня,
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню,
И привез в Киев-град на княженецкий двор,
Бросил среди двора княженецкого.

И увидел Алешу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алеши и стол пошел.

Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
- Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал.
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
Долюби тебя пожалую.

В те поры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верой и правдою.
А княгиня говорила Алеше Поповичу:
- Деревенщина ты, засельщина!

Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретином!..

То старина, то и деяние.

Ставр Годинович.

Случилось это давным-давно в городе во Киеве. Правил Киевом великий князь, звали его Владимиром.

Вот однажды собрал князь гостей; князей да бояр на пир честной. Сидят гости на пиrowании в палатах белокаменных - пьют, едят, да друг пред дружкой похваляются. Только один гость сидит не хвастает, зовут его Ставром Годиновичем. И спросил его князь: "Что молчишь, сидишь Ставрушка? Али нечем тебе похвастаться". Отвечает ему Ставр: "Есть у меня, светлый князь, и золота и серебра предостаточно. Но свою жену Василису я ценю дороже злата-серебра! Нет ей равной по уму по всей Руси Великой, всех она перехитрит!"

Не понравились князю таковы слова гостя честного и задумал Владимир нехорошее. Приказал он своим слугам схватить Ставра Годиновича, посадить его в погреба глубокие. "Если женушка твоя такая умная, пусть сумеет тебя оттуда высвободить".

И дошли худые вести до терема Василисы Микуличны. Как узнала она, что муж ее сидит в темном погребе, стала она думать - как его освободить из острога. И подумала она: "Деньгами его не выкупишь, силою не выручишь, а могу спасти его своею догадкою, женской хитростью, да изворотливостью".

Первым наперво - отрезала она косоньки свои длинные, уложила волосы по молодецки. Назвалась добрым молодцом Василием Микуловичем и отправилась из терема высокого в путь - выручать мужа любимого.

Приезжает она к князю Владимиру, в его палаты белокаменные, называется добрым молодцом и просит себе в жены княжескую дочь. Но княжна молодая догадывается, что это женщина и просит: "Испытай его, батюшка!" Говорит тогда князь: "Не угодно ли тебе сходить в баньку - попариться?" Отвечает тот: "Не худо бы!"

Только собрался князь в баню, а гость уже выходит: "С легким паром!" Раздосадовался князь и говорит ему на другой день: "Неудовольно ли после баньки отдохнуть?" Отвечает Василий: "Не худо бы!" В спальне он головой ложиться, где ногам быть, а ногами ложиться на подушечку. Тут вошел князь, посмотрел: есть широкие плечи богатырские! А на третий день говорит ему князь: "Не угодно ли с моими дворянами потешиться. Сходить на широкий двор, в колечко золоченое стрелять".

Дворяне стреляли не попали, Василий Микулович стрелял - попал. И с боярами потешился: взял одного одной рукой, другого другой, а третьего посередочке и всех лбами свел, за раз он наземь троих положил.

Испугался князь и отдал за него дочь. Настал день свадьбы, но не весел сидит жених. Говорит: "Грустно у тебя князь, музыканты играют - что собаки воют!" Говорит князь: "Так нет других!" Изумился жених: "Как нет, а слышал я, что у тебя во погребах томится Ставр - именитый гусяр! Выпусти его, сделай милость!"

Вышел тут Ставр, так и разоблачилась Василиса. Удивился Ставр: "А где же твои косы шелковые?" Василиса ему: "А косами я тебя из погреба высвободила!" Тут стыдно стало князю и отпустил он их с миром. И ушли они, и зажили счастливо!

Вольга Всеславьевич.

Закатилось красное солнышко за горы высокие, рассыпались по небу частые звёздочки, родился в ту пору на матушке-Руси молодой богатырь - Вольга Всеславьевич. Запеленала его мать в красные пелёнки, завязала золотыми поясами, положила в резную колыбель, стала над ним песни петь. Только час проспал Вольга, проснулся, потянулся - лопнули золотые пояса, разорвались красные пелёнки, у резной колыбели днище выпало. А Вольга на ноги стал, да и говорит матери: - Сударыня матушка, не пеленай ты меня, не свивай ты меня, а одень меня в латы крепкие, в шлем позолоченный да дай мне в правую руку палицу, да чтобы весом была палица в сто пудов. Испугалась мать, а Вольга растёт не по дням, не по часам, а по минуточкам. Вот подрос Вольга до пяти годов. Другие ребята в такие годы только в чурочки играют, а Вольга научился уже грамоте - писать и считать и книги читать. Как исполнилось ему шесть лет, пошёл он по земле гулять. От его шагов земля заколебалась. Услыхали звери и птицы его богатырскую поступь, испугались, попрятались. Туры-олени в горы убежали, соболя-куницы в норы залегли, мелкие звери в чащу забились, спрятались рыбы в глубокие места. Стал Вольга Всеславьевич обучаться всяким хитростям. Научился он соколом по небу летать, научился серым волком обёртываться, оленем по горам скакать. Вот исполнилось Вольге пятнадцать лет. Стал он собирать себе товарищей. Набрал дружину в двадцать девять человек, - сам Вольга в дружине тридцатый. Всем молодцам по пятнадцати лет, все могучие богатыри. У них кони быстрые, стрелы меткие, мечи острые. Собрал свою дружину Вольга и поехал с ней в чистое поле, в широкую степь. Не скрипят за ними возы с поклажей, не везут за ними ни постелей пуховых, ни одеял меховых, не бегут за ними слуги, стольники, поварники... Для них периной - сухая земля, подушкой - седло черкасское, еды в степи, в лесах много-был бы

стрел запас да кремень и огниво. Вот раскинули молодцы в степи стан, развели костры, накормили коней. Посылает Вольга младших дружинников в дремучие леса: - Берите вы сети шелковые, ставьте их в тёмном лесу по самой земле и ловите куниц, лисиц, чёрных соболей, будем дружине шубы запасать. Разбрелись дружинники по лесам. Ждёт их Вольга день, ждёт другой, третий день к вечеру клонится. Тут приехали дружинники невеселы: о корни ноги сбили, о колючки платье оборвали, а вернулись в стан с пустыми руками. Не попалась им в сети ни одна зверушка. Рассмеялся Вольга: - Эх вы, охотнички! Возвращайтесь в лес, становитесь к сетям да смотрите, молодцы, в оба. Ударился Вольга оземь, обернулся серым волком, побежал в леса. Выгнал он зверя из нор, дупел, из валежника, погнал в сети и лисиц, и куниц, и соболей. Он и мелким зверьком не побрезговал, наловил к ужину серых заюшек. Воротились дружинники с богатой добычей. Накормил-напоил дружину Вольга, да ещё и обул, одел. Носят дружинники дорогие шубы соболиные, на перемену у них есть и шубы барсовые. Не нахвалятся Вольгой, не налюбуются. Вот время идёт да идёт, посылает Вольга средних дружинников: - Наставьте вы силков в лесу на высоких дубах, наловите гусей, лебедей, серых уток. Рассыпались богатыри по лесу, наставили силков, думали с богатой добычей домой прийти, а не поймали даже серого воробья. Вернулись они в стан невеселы, ниже плеч буйны головы повесили. От Вольги глаза прячут, отворачиваются. А Вольга над ними посмеивается: - Что без добычи вернулись, охотнички? Ну ладно, будет вам чем попить. Идите к силкам да смотрите зорко. Ударился Вольга оземь, взлетел белым соколом, поднялся высоко под самое облако, грянул вниз на всякую птицу поднебесную. Бьёт он гусей, лебедей, серых уток, только пух от них летит, словно снегом землю кроет. Кого сам не побил, того в силки загнал. Воротились богатыри в стан с богатой добычей. Развели костры, напекли дичины, запивают дичину ключевой водой, Вольгу похваляют. Много ли, мало ли времени прошло, посылает снова Вольга своих дружинников: - Стройте вы лодки дубовые, вейте невода шелковые, поплавки берите кленовые, выезжайте вы в синее море, ловите сёмгу, белугу, севрюжину. Ловили дружинники десять дней, а не поймали и мелкого ёршика. Обернулся Вольга зубастой щукой, нырнул в море, выгнал рыбу из глубоких ям, загнал в невода шелковые. Привезли молодцы полные лодки и сёмги, и белуги, и усатых сомов. Гуляют дружинники по чистому полю, ведут богатырские игры. стрелы мечут, на конях скачут, силой богатырской меряются... Вдруг услышал Вольга, что турецкий царь Салтан Бекетович на Русь войной собирается. Разгорелось его молодецкое сердце, созвал он дружинников и говорит: - Полно вам бока пролёживать, полно силу нагуливать, пришла пора послужить родной земле, защитить Русь от Салтана Бекетовича. Кто из вас в турецкий стан проберётся, Салтановы помыслы узнает? Молчат молодцы, друг за друга прячутся: старший-за среднего. средний - за младшего, а младший и рот закрыл. Рассердился Вольга: - Видно, надо

мне самому идти! Обернулся он туром - золотые рога. Первый раз скакнул - версту проскочил, второй раз скакнул - только его и видели. Доскакал Вольга до турецкого царства, обернулся серым воробушком, сел на окно к царю Салтану и слушает. А Салтан по горнице похаживает, узорчатой плёткой пощёлкивает и говорит своей жене Азвяковне: - Я задумал идти войной на Русь. Завоюю девять городов, сам сяду князем в Киеве, девять городов раздам девяти сыновьям, тебе подарю соболий шушун. А царица Азвяковна невесело глядит: - Ах, царь Салтан, нынче мне плохой сон виделся: будто бился в поле чёрный ворон с белым соколом. Белый сокол чёрного ворона закогтил, перья на ветер выпустил. Белый сокол-это русский богатырь Вольга Всеславьевич, чёрный ворон - ты, Салтан Бекетович. Не ходи ты на Русь. Не взять тебе девяти городов, не княжить в Киеве. Рассердился царь Салтан, ударил царицу плёткою: - Не боюсь я русских богатырей, буду я княжить в Киеве. Тут Вольга слетел вниз воробушком, обернулся горностаюшкой. У него тело узкое, зубы острые. Побежал горностай по царскому двору, пробрался в глубокие подвалы царские. Там у луков тугих тетиву пооткусывал, у стрел древки перегрыз, сабли повыщербил, палицы дугой согнул. Вылез горностай из подвала, обернулся серым волком, побежал на царские конюшни - всех турецких коней загрыз, задушил. Выбрался Вольга из царского двора, обернулся ясным соколом, полетел в чистое поле к своей дружине, разбудил богатырей: - Эй, дружина моя храбрая, не время теперь спать, пора вставать! Собирайтесь в поход к Золотой Орде, к Салтану Бекетовичу! Подошли они к Золотой Орде, а кругом Орды - стена каменная высокая. Ворота в стене железные, крюки-засовы медные, у ворот караулы бессонные - не перелететь, не перейти, ворот не выломать. Запечалились богатыри, задумались: "Как одолеть стену высокую ворота железные?" Молодой Вольга догадался: обернулся малой мошкой, всех молодцов обернул мурашками, и пролезли мурашки под ворота ми. А на той стороне стали воинами. Ударили они на Салтанову силу, словно гром с небес. А у турецкого войска сабли затуплены, мечи повыщерблены. Тут турецкое войско на побег пошло. Прошли русские богатыри по Золотой Орде, всю Салтанову силу кончили. Сам Салтан Бекетович в свой дворец убежал, железные двери закрыл, медные засовы задвинул. Как ударил в дверь ногой Вольга, все запоры-болты вылетели. железные двери лопнули. Зашёл в горницу Вольга, ухватил Салтана за руки: - Не бывать тебе, Салтан, на Руси, не жечь, не палить русские города, не сидеть князем в Киеве. Ударил его Вольга о каменный пол и расшиб Салтана до смерти. - Не хвались. Орда, своей силой, не иди войной на Русь-матушку!

Микула Селянович.

Ранним утром, ранним солнышком собрался Вольга брать данных подати с городов торговых Гурчевца да Ореховца. Села дружина на

добрых коней, на каурых жеребчиков и в путь отправилась. Выехали молодцы в чистое поле, в широкое раздолье и услышали в поле пахаря. Пашет пахарь, посвистывает, лемехи по камешкам почиркивают. Будто пахарь где-то рядышком соху ведёт. Едут молодцы к пахарю, едут день до вечера, а не могут до него доскакать. Слышно, как пахарь посвистывает, слышно, как сошка поскрипывает, как лемешки почиркивают, а самого пахаря и глазом не видать. Едут молодцы другой день до вечера, так же всё пахарь посвистывает, сошенька поскрипывает, лемешки почиркивают, а пахаря нет как нет. Третий день идёт к вечеру, тут только молодцы до пахаря доехали. Пашет пахарь, понукивает, на кобылку свою погукивает. Борозды кладёт как рвы глубокие, из земли дубы вывёртывает, камни-валуны в сторону отбрасывает. Только кудри у пахаря качаются, шёлком по плечам рассыпаются. А кобылка у пахаря немудрая, а соха у него кленовая, гужи шелковые. Подивился на него Вольга, поклонился учтиво: - Здравствуй, добрый человек, в поле трудничек!

- Здоров будь, Вольга Всеславьевич! Куда путь держишь? - Еду в города Гурчевец да Ореховец - собирать с торговых людей дани-подати. - Эх, Вольга Всеславьевич, в тех городах живут всё разбойники, дерут шкуру с бедного пахаря, собирают за проезд по дорогам пошлины. Я поехал туда соли купить, закупил соли три мешка, каждый мешок сто пудов, положил на кобылку серую и домой к себе направился. Окружили меня люди торговые, стали брать с меня подорожные денежки. Чем я больше даю, тем им больше хочется. Рассердился я, разгневался, заплатил им шелковою плёткою. Ну, который стоял, тот сидит, а который сидел, тот лежит. Удивился Вольга, поклонился пахарю: - Ай же ты, славный пахарь, могучий богатырь, поезжай ты со мной за товарища. - Что ж, поеду, Вольга Всеславьевич, надо им наказ дать - других мужиков не обижать. Снял пахарь с сохи гужи шелковые, распряг кобылку серую, сел на неё верхом и в путь отправился. Проскакали молодцы полпути. Говорит пахарь Вольге Всеславьевичу: - Ох, неладное дело мы сделали, в борозде соху оставили. Ты пошли молодцов-дружинников, чтобы сошку из борозды выдернули, землю бы с неё вытряхнули, положили бы соху под ракитовый куст. Послал Вольга трёх дружинников. Вертят сошку они и так и сяк, а не могут сошку от земли поднять. Послал Вольга десять витязей. Вертят сошку они в двадцать рук, а не могут с места содрать. Тут поехал Вольга со всей дружиной. Тридцать человек без еди ного облепили сошку со всех сторон, понатужились, по колена в землю ушли, а сошку и на волос не сдвинули. Слез с кобылки тут пахарь сам, взялся за сошку одной рукой. из земли её выдернул, из лемешков землю вытряхнул. Лемехи травой вычистил. Дело сделали и поехали богатыри дальше путём-дорогою. Вот подъехали они под Гурчевец да Ореховец. А там люди торговые хитрые как увидели пахаря, подсекли брёвна дубовые на мосту через речку Ореховец. Чуть вошла дружина на мост, подломились брёвна дубовые, стали молодцы в реке тонуть, стала гибнуть дружина храбрая, стали кони, люди на дно идти. Рассердились

Вольга с Микулой, разгневались, хлестнули своих добрых коней, в один скок реку перепрыгнули. Соскочили на тот бережок, да и начали злодеев чествовать. Пахарь плетью бьёт, приговаривает: - Эх вы, жадные люди торговые! Мужики города хлебом кормят, мёдом поят, а вы соли им жалеете! Вольга палицей жалуёт за дружинников, за богатырских коней. Стали люди гурчевецкие каяться: - Вы простите нас за злодейство, за хитрости. Берите с нас дани-подати, и пускай едут пахари за солью, никто с них гроша не потребует. Взял Вольга с них дани-подати за двенадцать лет, и поехали богатыри домой. Спрашивает пахаря Вольга Всеславьевич: - Ты скажи мне, русский богатырь, как зовут тебя, величают по отчеству? - Поезжай ко мне, Вольга Всеславьевич, на мои крестьянский двор, так узнаешь, как меня люди чествуют. Подъехали богатыри к полю. Вытащил пахарь сошеньку, распахал широкое полюшко, засеял золотым зерном...Ещё заря горит, а у пахаря поле колосом шумит. Тёмная ночь идёт - пахарь хлеб жнёт. Утром вымолотил, к полудню вывезял, к обеду муки намолот, пироги завёл. К вечеру созвал народ на почестей пир. Стали люди пироги есть, брагу пить да пахаря похваливать: Ай спасибо тебе, Микула Селянинович!

Святогор-богатырь.

Высоки на Руси Святые горы, глубоки их ущелья, страшны пропасти; Не растут там ни берёзка, ни дуб, ни сосна, ни зелёная трава. Там и волк не пробежит, орёл не пролетит, - муравью и тому пожить на голых скалах нечем. Только богатырь Святогор разъезжает между утёсов на своём могучем коне. Через пропасти конь перескакивает, через ущелья перепрыгивает, с горы на гору переступает. Ездит старый по Святым горам. Тут колеблется мать сыра земля, Осыпаются камни в пропасти, Выливаются быстры реченьки. Ростом богатырь Святогор выше тёмного леса, головой облака подпирает, скачет по горам - горы под ним шатаются, в реку заедет - вся вода из реки выплеснется. Ездит он сутки, другие, третьи, - остановится, раскинет шатёр - ляжет, выпится, и снова по горам его конь бредёт. Скучно Святогору-богатырю, тоскливо старому: в горах не с кем слова перемолвить, не с кем силой помериться. Поехать бы ему на Русь, погулять бы с другими богатырями, побиться с врагами, растрясти бы силу, да вот беда: не держит его земля, только каменные утёсы святогорские под его тяжестью не рушатся, не падают, только их хребты не трещат под копытами его коня богатырского. Тяжко Святогору от своей силы, носит он ее как трудное бремя. Рад бы половину силы отдать, да некому. Рад бы самый тяжкий труд справить, да труда по плечу не находится. За что рукой ни возьмётся - всё в крошки рассыплется, в блин расплющится. Стал бы он леса корчевать, да для него леса - что луговая трава. Стал бы он горы ворочать, да это никому не надобно... Так и ездит он один по Святым горам, голову от тоски ниже гнёт... - Эх, найти бы мне земную тягу, я бы в небо кольцо вбил, привязал

к кольцу цепь железную; притянул бы небо к земле, повернул бы землю краем вверх, небо с землёй смешал - поистратил бы немного силушки! Да где её - тягу - найти! Едет раз Святогор по долине между утёсов, и вдруг-впереди живой человек идёт! Идёт невзрачный мужичок, лаптями притоптывает, на плече несёт перемётную суму. Обрадовался Святогор: будет с кем словом перемолвиться, - стал мужичка догонять. Тот идёт себе, не спешит, а Святогор конь во всю силу скачет, да догнать мужика не может. Идёт мужичок, не торопится, сумочку с плеча на плечо перебрасывает. Скачет Святогор во всю прыть-всё прохожий впереди! Едет шагом - всё не догнать! Закричал ему Святогор: - Эй, прохожий молодец, подожди меня! Остановился мужичок, сложил свою сумочку наземь. Подскакал Святогор, поздоровался и спрашивает: - Что это у тебя за ноша в этой сумочке? - А ты возьми мою сумочку, перекинь через плечо да и пробегии с ней но полю. Рассмеялся Святогор так, что горы затряслись; хотел сумочку плёткой поддеть, а сумочка не сдвинулась, стал копьём толкать - не шелохнётся, пробовал пальцем поднять-не поднимается... Слез Святогор с коня, взял правой рукой сумочку - на волос не сдвинул. Ухватил богатырь сумочку двумя руками, рванул изо всей силы - только до колен поднял. Глядь - а сам по колено в землю ушёл, по лицу не пот, а кровь течёт, сердце замерло... Бросил Святогор сумочку, на землю упал,- по горам-долам гул пошёл. Еле отдышался богатырь - Ты скажи мне, что у тебя в сумочке положено? Скажи, научи, я о таком чуде не слыхал. Сила у меня непомерная, а я такой песчинки поднять не могу! - Почему не сказать - скажу: в моей маленькой сумочке вся тяга земная лежит. Опустил Святогор голову: - Вот что значит тяга земная. А кто ты сам и как зовут тебя, прохожий человек? - Пахарь я, Микула Селянинович - Вижу я, добрый человек, любит тебя мать сыра земля! Может, ты мне про судьбу мою расскажешь? Тяжко мне одному по горам скакать, не могу я больше так на свете жить. - Поезжай, богатырь, до Северных гор. У тех гор стоит железная кузница. В той кузнице кузнец всем судьбу куёт, у него и про свою судьбу узнаешь. Вскинул Микула Селянинович сумочку на плечо и зашагал прочь. А Святогор на коня вскочил и поскакал к Северным горам. Ехал-ехал Святогор три дня, три ночи, трое суток спать не ложился - доехал до Северных гор. Тут утёсы ещё голей, пропасти ещё черней, реки глубокие бурливее... Под самым облаком, на голой скале увидал Святогор железную кузницу. В кузнице яркий огонь горит, из кузницы чёрный дым валит, звон-стук по всей округе идёт. Зашёл Святогор в кузницу и видит: стоит у наковальни седой старичок, одной рукой мехи раздувает, другой - молотом по наковальне бьёт, а на наковальне-то не видно ничего. - Кузнец, кузнец, что ты, батюшка, куёшь? - Подойди поближе, наклонись пониже! Нагнулся Святогор, поглядел и удивился: куёт кузнец два тонких волоса. - Что это у тебя, кузнец? - Вот два волоса окую, волос с волосом совью - два человека и женятся. - А на ком мне жениться судьба велит? - Твоя невеста на краю гор в ветхой избушке живёт. Поехал Святогор на край гор, нашёл ветхую избушку. Вошёл в неё богатырь, положил на стол

подарок-сумку с золотом. Огляделся Святогор и видит: лежит недвижно на лавке девушка, вся корой и струпьями покрыта, глаз не открывает. Жаль её стало Святогору. Что так лежит и мучается? И смерть не идёт, и жизни нету. Выхватил Святогор свой острый меч, хотел ударить девушку, да рука не поднялась. Упал меч на дубовый пол. Святогор выскочил из избушки, на коня сел и поскакал к Святым горам. А девушка тем временем глаза открыла и видит: лежит на полу богатырский меч, на столе - мешок золота, а с неё вся кора свалилась, и тело у неё чистое, и силы у неё прибыли. Встала она, прошлась по горенке, вышла за порог, нагнулась над озерком и ахнула: смотрит на неё из озера девица-красавица - и статна, и бела, и румяна, и очи ясные, и косы русые! Взяла она золото, что на столе лежало, построила корабли, нагрузила товарами и пустилась по синему морю торговать, счастье искать. Куда бы ни приехала, - весь народ бежит товары покупать, на красавицу любоваться. Слава о ней по всей Руси идёт: Вот доехала она до Святых гор, слух о ней и до Святогора дошёл. Захотелось ему тоже на красавицу поглядеть. Взглянул он на неё, и полюбилась ему девушка. - Вот это невеста по мне, за эту я посватаюсь! Полюбился и Святогор девушке. Поженились они, и стала жена Святогору про свою прежнюю жизнь рассказывать, как она тридцать лет лежала, корой покрытая, как вылечилась, как деньги на столе нашла. Удивился Святогор, да ничего жене не сказал. Бросила девушка торговать, по морям плавать, стала жить со Святогором на Святых горах

Алёша Попович и Тугарин Змеевич (2)

В славном городе Ростове у ростовского попа соборного был один-единственный сын. Звали его Алёша, прозывали по отцу Поповичем. Алёша Попович грамоте не учился, за книги не садился, а учился с малых лет копьём владеть, из лука стрелять, богатырских коней укрощать. Силой Алёша не большой богатырь, зато дерзостью да хитростью взял. Вот подрос Алёша Попович до шестнадцати лет, и скучно ему стало в отцовском доме. Стал он просить отца отпустить его в чистое поле, в широкое раздолье, по Руси привольной поездить, до синего моря добраться, в лесах поохотиться. Отпустил его отец, дал ему коня богатырского, саблю, копье острое да лук со стрелами. Стал Алёша коня седлать, стал приговаривать: - Служи мне верно, богатырский конь. Не оставь меня ни мёртвым, ни раненым серым волкам на растерзание, чёрным воронам на расклевание, врагам на поругание! Где б мы ни были, домой привези! Обрядил он своего коня по-княжески. Седло черкасское, подпруга шелковая, узда золочёная. Позвал Алёша с собой любимого друга Екима Ивановича и поутру в субботу из дому выехал искать себе богатырской славы. Вот едут верные друзья плечо в плечо, стремя в стремя, по сторонам поглядывают. Никого в степи не видно-ни богатыря, с кем бы силой помериться, ни зверя, чтоб поохотиться.

Раскинулась под солнцем русская степь без конца, без края, и шороха в ней не слышать, в небе птицы не видать. Вдруг видит Алёша - лежит на кургане камень, а на камне что-то написано. Говорит Алёша Екимовичу; - Ну-ка, Екимушка, прочитай, что на камне написано. Ты хорошо грамотный, а я грамоте не обучен и читать не могу. Соскочил Еким с коня, стал на камне надпись разбирать - Вот, Алёшенька, что на камне написано: правая дорога ведёт к Чернигову, левая дорога в Киев, к князю Владимиру, а прямо дорога - к синему морю, к тихим заводям. - Куда же нам, Еким, путь держать? - К синему морю ехать далеко, к Чернигову ехать незачем: там калачницы хорошие. Съешь один калач - другой захочется, съешь другой - на перину завалишься, не сыскать нам там богатырской славы. А поедем мы к князю Владимиру, может, он нас в свою дружину возьмёт. - Ну, так завернём, Еким, на левый путь. Завернули молодцы коней и поехали по дороге к Киеву. Доехали они до берега Сафат-реки, поставили белый шатёр. Алёша с коня соскочил, в шатёр вошёл, лёг на зелёную траву и заснул крепким сном. А Еким коней расседлал, напоил, прогулял, стреножил и в луга пустил, только тогда отдыхать пошёл. Утром-светом проснулся Алёша, росой умылся, белым полотенцем вытерся, стал кудри расчёсывать. А Еким вскочил, за конями сходил, попоил их, овсом покормил, заседлал и своего и Алёшиного. Снова молодцы в путь пустились. Едут-едут, вдруг видят - среди степи идёт старичок. Нищий странник - калика перехожая. На нём лапти из семи шелков сплетённые, на нём шуба соболиная, шапка греческая, а в руках дубинка дорожная. Увидел он молодцов, загородил им путь: - Ой вы, молодцы удалые, вы не ездите за Сафат-реку. Стал там станам злой враг Тугарин, Змея сын. Вышиной он как высокий дуб, меж плечами косая сажень, между глаз можно стрелу положить. У него крылатый конь - как лютый зверь: из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. Не езжайте туда, молодцы! Екимушка на Алёшу поглядывает, а Алёша распалился, разгневался: - Чтобы я да всякой нечисти дорогу уступил! Не могу я его взять силой, возьму хитростью. Братец мой, дорожный странничек, дай ты мне на время твоё платье, возьми мои богатырские доспехи, помоги мне с Тугарином справиться. - Ладно, бери, да смотри, чтобы беды не было: он тебя в один глоток проглотить может. - Ничего, как-нибудь справимся! Надел Алёша цветное платье и пошёл пешком к Сафат-реке. Идёт. на дубинку опирается, прихрамывает... Увидел его Тугарин Змеевич, закричал так, что дрогнула земля, согнулись высокие дубы, воды из реки выплеснулись, Алёша еле жив стоит, ноги у него подкашиваются. - Гей, - кричит Тугарин, - гей, странничек, не видал ли ты Алё-шу Поповича? Мне бы хотелось его найти, да копьём поколоть, да огнём пожечь. А Алёша шляпу греческую на лицо натянул, закричал, застонал и отвечает стариковским голосом: - Ох-ох-ох, не гневись на меня, Тугарин Змеевич! Я от старости оглох, ничего не слышу, что ты мне приказываешь. Подъезжай ко мне поближе, к убогому. Подъехал Тугарин к Алёше, наклонился с седла, хотел ему в ухо гаркнуть, а Алёша ловок, увёртлив был, - как хватит его дубинкой между глаз, - так Тугарин

без памяти на землю пал. - Снял с него Алёша дорогое платье, самоцветами расшитое, не дешёвое платье, ценой в сто тысяч, на себя надел. Самого Тугарина к седлу приторочил и поехал обратно к своим друзьям. А так Еким Иванович сам не свой, рвётся Алёше помочь, да нельзя в богатырское дело вмешиваться, Алёшиной славе мешать. Вдруг видит Еким - скачет конь что лютый зверь, на нём в дорогом платье Тугарин сидит. Разгневался Еким, бросил наотмашь свою палицу в тридцать пудов прямо в грудь Алёше Поповичу. Свалился Алёша замертво. А Еким кинжал вытащил, бросился к упавшему, хочет добить Тугарина... И вдруг видит - перед ним Алёша лежит... Грянулся наземь Еким Иванович, горько расплакался: - Убил я, убил своего брата названного, дорогого Алёшу Поповича! Стали они с каликой Алёшу трясти, качать, влили ему в рот питья заморского, растирали травами лечебными. Открыл глаза Алёша, встал на ноги, на ногах стоит-шатается. Еким Иванович от радости сам не свой; Снял он с Алёши платье Тугарина, одел его в богатырские доспехи, отдал калике его добро. Посадил Алёшу на коня, сам рядом пошёл: Алёшу поддерживает. Только у самого Киева Алёша в силу вошёл. Подъехали они к Киеву в воскресенье, к обеденной поре. Заехали на княжеский двор, соскочили с коней, привязали их к дубовым столбам и вошли в горницу. Князь Владимир их ласково встречает. - Здравствуйте, гости милые, вы откуда ко мне приехали? Как зовут вас по имени, величают по отчеству? - Я из города Ростова, сын соборного попа Леонтия. А зовут меня Алёшей Поповичем. Ехали мы чистой степью, повстречали Тугарина Змеевича, он теперь у меня в тороках висит. Обрадовался Владимир-князь: - Ну и богатырь ты, Алёшенька! Куда хочешь за стол садись: хочешь-рядом со мной, хочешь-против меня, хочешь-рядом с княгиней. Алёша Попович не раздумывал, сел он рядом с княгиней. А Еким Иванович у печки стал. Крикнул князь Владимир прислужников: - Развяжите Тугарина Змеевича, принесите сюда в горницу! Только Алёша взялся за хлеб, за соль - растворились двери гостиной, внесли двенадцать конюхов на золотой доске Тугарина, посадили рядом с князем Владимиром. Прибежали стольники, принесли жареных гусей, лебедей, принесли ковши мёду сладкого. А Тугарин неучтиво себя ведёт, невежливо. Ухватил лебедушку и с костями съел, по ковриге целой за щеку запикивает. Сгрёб пироги сдобные да в рот побросал, за один дух десять ковшей мёду в глотку льет. Не успели гости кусочка взять, а уже на столе только косточки. Нахмурился Алёша Попович и говорит: - У моего батюшки попа Леонтия была собака старая и жадная. Ухватила она большую кость да и подавилась. Я её за хвост схватил, под гору метнул - то же будет от меня Тугарину. Потемнел Тугарин, как осенняя ночь, выхватил острый кинжал и метнул его в Алёшу Поповича. Тут бы Алёше и конец пришёл, да вскочил Еким Иванович, на лету кинжал перехватил. - Братец мой, Алёша Попович, сам изволишь в него нож бросать или мне позволишь? - И сам не брошу, и тебе не позволю: неучтиво у князя в горнице ссору вести. А перебедаюсь я с ним завтра в чистом поле, и не быть Тугарину

живому завтра к вечеру. Зашумели гости, заспорили, стали заклад держать, всё за Туга-рина ставят-и корабли, и товары, и деньги. За Алёшу ставят только княгиня Апраксия да Еким Иванович. Встал Алёша из-за стола, поехал с Екимом в свой шатёр на Са-фат-реке. Всю ночь Алёша не спит, на небо смотрит, подзывает тучу грозовую, чтоб смочила дождём Тугариновы крылья. Утром-светом прилетел Тугарин, над шатром вьётся, хочет сверху ударить. Да не зря Алёша не спал: налетела туча громовая, грозовая, пролилась дождём, смочила Тугаринову коню могучие крылья. Грянулся конь наземь, по земле поскакал. Алёша крепко в седле сидит, острой сабелькой помахивает. Заревел Тугарин так, что лист с деревьев посыпался: - Тут тебе, Алёшка, конец: захочу - огнём спалю, захочу - конём потопчу, захочу - копьём заколю! Подъехал к нему Алёша поближе и говорит: - Что же ты, Тугарин, обманываешь?! Бились мы с тобой об заклад, что один на один силой померяемся, а теперь за тобой стоит сила несметная! Оглянулся Тугарин назад, хотел посмотреть, какая сила за ним стоит, а Алёше только того и надобно. Взмахнул острой саблей и отсек ему голову! Покатилась голова на землю, как пивной котёл, загудела земля-матушка! Соскочил Алёша, хотел взять голову, да не мог от земли на вершок поднять. Крикнул Алёша Попович зычным голосом: - Эй вы, верные товарищи, помогите голову Тугарина с земли поднять! Подъехал Еким Иванович с товарищами, помог Алёше Поповичу голову Тугарина на богатырского коня взвалить. Как приехали они к Киеву, заехали на княжеский двор, бросили среди двора чудище. Вышел князь Владимир с княгинею, приглашал Алёшу за княжеский стол, говорил Алёше ласковые слова: - Живи ты, Алёша, в Киеве, послужи мне, князю Владимиру. Я тебя, Алёша, пожалую. Остался Алёша в Киеве дружинником; Так про молодого Алёшу старину поют, чтобы добрые люди слушали: Наш Алёша роду поповского, Он и храбр и умен, да нравом сварлив. Он не так силён, как напуском смел.

Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча.

Жила-была под Киевом вдова Мамелфа Тимофеевна. Был у неё любимый сын - богатырь Добрынюшка. По всему Киеву о Добрыне слава шла: он и статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел. Он и песню сложит, и на гусях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый. Никого он не заругает, никого зря не обидит. Недаром прозвали его "тихий Добрынюшка". Вот раз в жаркий летний день захотелось Добрыне в речке искупаться. Пошёл он к матери Мамелфе Тимофеевне: - Отпусти меня, матушка, съездить к Пучай-реке, в студёной воде искупаться,- истомила меня жара летняя. Разохалась Мамелфа Тимофеевна, стала Добрыню отговаривать: - Милый сын мой

Добрынюшка, ты не езд к Пучай-реке. Пучай-река свирепая, сердитая. Из первой струйки огонь сечёт, из второй струйки искры сыплются, из третьей струйки дым столбом валит. - Хорошо, матушка, отпусти хоть по берегу поездить, свежим воздухом подышать. Отпустила Добрыню Мамелфа Тимофеевна. Надел Добрыня платье дорожное, покрылся высокой шляпой греческой, взял с собой копье да лук со стрелами, саблю острую да плёточку. Сел на доброго коня, позвал с собой молодого слугу да в путь и отправился. Едет Добрыня час-другой; жарко палит солнце летнее, припекает Добрыне голову. Забыл Добрыня, что ему матушка наказывала, повернул коня к Пучай-реке. От Пучай-реки прохладой несёт. Соскочил Добрыня с коня, бросил поводья молодому слуге: - Ты постой здесь, покарауль коня. Снял он с головы шляпу греческую, снял одежду дорожную, всё оружие на коня сложил и в реку бросился. Плыёт Добрыня по Пучай-реке, удивляется: - Что мне матушка про Пучай-реку рассказывала? Пучай-река не свирепая, Пучай-река тихая, словно лужица дождевая. Не успел Добрыня сказать - вдруг потемнело небо, а тучи на небе нет, и дождя-то нет, а гром гремит, и грозы-то нет, а огонь блесит... Поднял голову Добрыня и видит, что летит к нему Змей Горыныч, страшный змей о трёх головах, о семи когтях, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят. Увидал Змей Добрыню, громом загремел: - Эх, старые люди пророчили, что убьёт меня Добрыня Никитич, а Добрыня сам в мои лапы пришёл. Захочу теперь-живым сожру, захочу-в своё логово унесу, в плен возьму. Немало у меня в плену русских людей, не хватало только Добрыни. А Добрыня говорит тихим голосом: - Ах ты, змея проклятая, ты сначала возьми Добрынюшку, потом и хвастайся, а пока Добрыня не в твоих руках. Хорошо Добрыня плавать умел; он нырнул на дно, поплыл под водой, вынырнул у крутого берега, выскочил на берег да к коню своему бросился. А коня и след простыл: испугался молодой слуга рыка змеиноного, вскочил на коня да и был таков. И увёз всё оружие Добрынины. Нечем Добрыне со Змеем Горынычем биться. А Змей опять к Добрыне летит, сыплет искрами горячими, жжёт Добрыне тело белое. Дрогнуло сердце богатырское. Поглядел Добрыня на берег, - нечего ему в руки взять: ни дубинки нет, ни камешка, только жёлтый песок на крутом берегу, да валяется его шляпа греческая. Ухватил Добрыня шляпу греческую, насыпал в неё песку жёлтого ни много ни мало - пять пудов да как ударит шляпой Змея Горыныча - и отшиб ему голову. Повалил он Змея с размаху на землю, придавил ему грудь коленками, хотел отбить ещё две головы... Как взмолился тут Змей Горыныч: - Ох, Добрынюшка, ох, богатырь, не убивай меня, пусти по свету летать, буду я всегда тебя слушаться! Дам тебе я великий обет: не летать мне к вам на широкую Русь, не брать в плен русских людей. Только ты меня помилуй, Добрынюшка, и не трогай моих змеёнышей. Поддался Добрыня на лукавую речь, поверил Змею Горынычу, отпустил его, проклятого. Только поднялся Змей под облака, сразу повернул к Киеву, полетел к саду князя Владимира. А в ту пору в саду гуляла молодая Забава Путятишна, князя

Владимира племянница. Увидал Змей княжну, обрадовался, кинулся на неё из-под облака, ухватил в свои медные когти и унёс на горы Сорочинские. В это время Добрыня слугу нашёл, стал надевать платье дорожное, - вдруг потемнело небо, гром загремел. Поднял голову Добрыня и видит: летит Змей Горыныч из Киева, несёт в когтях Збаву Путятишну! Тут Добрыня запечалился - запечалился, закручинился, домой приехал нерадостен, на лавку сел, слова не сказал. Стала его мать расспрашивать: - Ты чего, Добрынюшка, невесел сидишь? Ты об чём, мой свет. печалишься? - Ни об чём не кручинюсь, ни об чём я не печалюсь, а дома мне сидеть невесело. Поеду я в Киев к князю Владимиру, у него сегодня весёлый пир. - Не езжай, Добрынюшка, к князю, недоброе чует моё сердце. Мы и дома пир заведём. Не послушался Добрыня матушки и поехал в Киев к князю Владимиру. Приехал Добрыня в Киев, прошёл в княжескую горницу. На пиру столы от кушаний ломятся, стоят бочки мёда сладкого, а гости не едят, не льют, опустив головы сидят. Ходит князь по горнице, гостей не потчует. Княгиня фатой закрылась, на гостей не глядит. Вот Владимир-князь и говорит: - Эх, гости мои любимые, невесёлый у нас пир идёт! И княгине горько, и мне нерадостно. Унёс проклятый Змей Горыныч любимую нашу племянницу, молодую Забаву Путятишну. Кто из вас съездит на гору Сорочинскую, отыщет княжну, освободит её? Куда там! Прячутся гости друг за дружку: большие - за средних, средние - за меньших, а меньшие и рот закрыли. Вдруг выходит из-за стола молодой богатырь Алёша Попович. - Вот что, князь Красное Солнышко, был я вчера в чистом поле, видел у Пучай-реки Добрынюшку. Он со Змеем Горынычем побратался, назвал его братом меньшим Ты пошли к Змею Добрынюшку. Он тебе любимую племянницу без бою у названного братца выпросит. Рассердился Владимир-князь: - Коли так, садись, Добрыня, на коня, поезжай на гору Сорочинскую, добывай мне любимую племянницу. А не добудешь Забавы Путятишны, - прикажу тебе голову срубить! Опустил Добрыня буйну голову, ни словечка не ответил, встал из-за стола, сел на коня и домой поехал. Вышла ему навстречу матушка, видит - на Добрыне лица нет. - Что с тобой, Добрынюшка, что с тобой, сынок, что на пиру случилось? Обидели тебя, или чарой обнесли, или на худое место посадили? - Не обидели меня и чарой не обнесли, и место мне было по чину, по званию. - А чего же ты, Добрыня, голову повесил? - Велел мне Владимир-князь сослужить службу великую: съездить на гору Сорочинскую, отыскать и добыть Забаву Путятишну. А Забаву Путятишну Змей Горыныч унёс. Ужаснулась Мамелфа Тимофеевна, да не стала плакать и печалиться, а стала над делом раздумывать. - Ложись-ка, Добрынюшка, спать поскорей, набирайся силушки. Утро вечера мудреней, завтра будем совет держать. Лёг Добрыня спать. Спит, храпит, что поток шумит. А Мамелфа Тимофеевна спать не ложится, на лавку садится и плетёт всю ночь из семи шелков плёточку-семихвосточку. Утром-светом разбудила мать Добрыню Никитича: - Вставай, сынок, одевайся, обряжайся, иди в старую конюшню. В третьем

стойле дверь не открывается, не под силу нам была дверь дубовая. Понатужься, Добрынюшка, отвори дверь, там увидишь дедова коня Бурушку. Стоит Бурка в стойле пятнадцать лет не обихоженный. Ты его почисти, накорми, напои, к крыльцу приведи. Пошёл Добрыня в конюшню, сорвал дверь с петель, вывел Бурушку на белый свет, почистил, выкупал, привёл ко крыльцу. Стал Бурушку засёдлывать. Положил на него потничек, сверху потничка - войлочек, потом седло черкасское, ценными шелками вышитое, золотом изукрашенное, подтянул двенадцать подпруг, заузда золотой уздой. Вышла Мамелфа Тимофеевна, подала ему плётку-семихвостку: Как приедешь, Добрыня, на гору Сорочинскую, Змея Горыны-ча дома не случится. Ты конём налети на логово и начни топтать змеёнышей. Будут змеёныши Бурке ноги обвивать, а ты Бурку плёткой меж ушей хлещи. Станет Бурка подскакивать, с ног змеёнышей отряхивать и всех притопчет до единого. Отломилась веточка от яблони, откатилось яблоко от яблоньки, уезжал сын от родимой матушки на трудный, на кровавый бой. День уходит за днём, будто дождь дождит, а неделя за неделей как река бежит. Едет Добрыня при красном солнышке, едет Добрыня при светлом месяце, выехал на гору Сорочинскую. А на горе у змеиного логова кишмя-кишат змеёныши. Стали они Бурушке ноги обвивать, стали копыта подтачивать. Бурушка скакать не может, на колени падает. Вспомнил тут Добрыня наказ матери, выхватил плётку семи шелков, стал Бурушку меж ушами бить, приговаривать: - Скачи, Бурушка, подскакивай, прочь от ног змеёнышей отряхивай. От плётки у Бурушки силы прибыло, стал он высоко скакать, за версту камешки откидывать, стал прочь от ног змеёнышей отряхивать. Он их копытом бьёт и зубами рвёт и притоптал всех до единого. Сошёл Добрыня с коня, взял в правую руку саблю острую, в левую - богатырскую палицу и пошел к змеиным пещерам. Только шаг ступил - потемнело небо, гром загредел, - летит Змей Горыныч, в когтях мёртвое тело держит. Из пасти огонь сечёт, из ушей дым валит, медные когти как жар горят... Увидел Змей Добрынюшку, бросил мёртвое тело наземь, зарычал громким голосом; - Ты зачем, Добрыня, наш обет сломал, потоптал моих детёнышей? - Ах ты, змея проклятая! Разве я слово наше нарушил, обет сломал? Ты зачем летал, Змей, к Киеву, ты зачем унёс Забаву Путятишну?! Отдавай мне княжну без боя, так я тебя прощу. - Не отдам я Забаву Путятишну, я её сожру, и тебя сожру, и всех русских людей в полон возьму! Рассердился Добрыня и на Змея бросился. И пошёл тут жестокий бой. Горы Сорочинские посыпались, дубы с корнями вывернулись, трава на аршин в землю ушла... Бьются они три дня и три ночи; стал Змей Добрыню одолевать, стал подкидывать, стал подбрасывать... Вспомнил тут Добрыня про плёточку, выхватил её и давай Змея между ушей стегать. Змей Горыныч на колени упал, а Добрыня его левой рукой к земле прижал, а правой рукой плёткой охаживает. Бил, бил его плёткой шелковой, укротил как скотину и отрубил все головы. Хлынула из Змея чёрная кровь, разлилась к востоку и к западу, залила Добрыню до пояса. Трое суток стоит

Добрыня в чёрной крови, стынут его ноги, холод до сердца добирается. Не хочет русская земля змеиную кровь принимать. Видит Добрыня, что ему конец пришёл, вынул плёточку семи шелков, стал землю хлестать, приговаривать: - Расступись ты, мать сыра земля, и пожри кровь змеиную. Расступилась сырая земля и пожрала кровь змеиную. Отдохнул Добрыня Никитич, вымылся, пообчистил доспехи богатырские и пошёл к змеиным пещерам. Все пещеры медными дверями затворены, железными засовами заперты, золотыми замками увешаны. Разбил Добрыня медные двери, сорвал замки и засовы, зашёл в первую пещеру. А там видит людей несметное число с сорока земель, с сорока стран, в два дня не сосчитать. Говорит им Добрынюшка: - Эй же вы, люди иноземные и воины чужестранные! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену. Стали выходить они на волю, до земли Добрыне кланяться: - Век мы тебя помнить будем, русский богатырь! А Добрыня дальше идёт, пещеру за пещерой открывает, пленных людей освобождает. Выходят на свет и старики и молодухи, детки малые и бабки старые, русские люди и из чужих стран, а Забавы Путятишны нет как нет. Так прошёл Добрыня одиннадцать пещер, а в двенадцатой нашёл Забаву Путятишну: висит княжна на сырой стене, за руки золотыми цепями прикована. Оторвал цепи Добрынюшка, снял княжну со стены, взял на руки, на вольный свет из пещеры вынес. А она на ногах стоит-шатается, от света глаза закрывает, на Добрыню не смотрит. Уложил её Добрыня на зелёную траву, накормил, напоил, плащом прикрыл, сам отдохнуть прилёг. Вот скатилось солнце к вечеру, проснулся Добрыня, оседлал Бурушку и разбудил княжну. Сел Добрыня на коня, посадил Забаву впереди себя и в путь тронулся. А кругом народу и счету нет, все Добрыне в пояс кланяются, за спасение благодарят, в свои земли спешат. Выехал Добрыня в жёлтую степь, пришпорил коня и повёз Забаву Путятишну к Киеву.

Как Илья из Мурома богатырем стал.

В старину стародавнюю жил под городом Муромом, в селе Карачарове, крестьянки Иван Тимофеевич со своей женой Ефросиньей Яковлевной. Был у них один сын Илья. Любили его отец с матерью, да только плакали, на него поглядывая: тридцать лет Илья на печи лежит, ни рукой, ни ногой не шевелит. И ростом богатырь Илья, и умом светел, и глазом зорек, а ноги его не носят, словно брёвна лежат, не шевелятся.

Слышит Илья, на печи лежачи, как мать плачет, отец вздыхает, русские люди жалуются: нападают на Русь враги, поля вытаптывают, людей губят, детей сиротят. По путям-дорогам разбойники рыщут, не дают они людям ни проходу, ни проезду. Налетает на Русь Змей Горыныч, в своё логово девушек утаскивает. Горько Илья, обо всём этом слыша, на

судьбу свою жалуется: - Эх вы, ноги мои нехожалые, эх вы, руки мои недержалые! Был бы я здоров, не давал бы родную Русь в обиду врагам да разбойникам! Так и шли дни, катились месяцы...

Вот раз отец с матерью пошли в лес пни корчевать, корни выдирать, готовить поле под пахоту. А Илья один на печи лежит, в окошко поглядывает. Вдруг видит - подходят к его избе три нищих странника. Постояли они у ворот, постучали железным кольцом и говорят: - Встань, Илья, отвори калиточку. - Злые шутки .вы, странники, шутите: тридцать лет я на печи сиднем сижу, встать не могу. - А ты приподнимись, Илюшенька. РванулсЯ Илья - и спрыгнул с печи, стоит на полу и сам своему счастью не верит. - Ну-ка, пройдиcь, Илья. Шагнул Илья раз, шагнул другой - крепко его ноги держат, легко его ноги несут. Обрадовался Илья, от радости слова сказать не может.

А калики перехожие ему говорят: - Принеси-ка, Илюша, студёной воды. Принёс Илья студёной воды ведро. Налил странник воды в ковшичек. - Попей, Илья. В этом ковше вода всех рек, всех озёр Руси-матушки. Выпил Илья и почуял в себе силу богатырскую. А калики его спрашивают: - Много ли чуешь в себе силушки? - Много, странники. Кабы мне лопату, всю бы землю вспахал. - Выпей, Илья, остаточек. В том остаточке всей земли роса, с зелёных лугов, с высоких лесов, с хлебородных полей. Пей. Выпил Илья и остаточек. - А теперь много в тебе силушки? - Ох, калики перехожие, столько во мне силы, что, кабы было в небесах, кольцо, ухватился бы я за него и всю землю перевернул. - Слишком много в тебе силушки, надо поубавить, а то земля носить тебя не станет.

Принеси-ка ещё воды. Пошёл Илья по воду, а его и впрямь земля не несёт: нога в земле, что в болоте, вязнет, за дубок ухватился - дуб с корнем вон, цепь от колодца, словно ниточка, на куски разорвалась. Уж Илья ступает тихохонько, а под ним половицы ломаются. Уж Илья говорит шёпотом, а двери с петель срываются. Принёс Илья воды, налили странники ещё ковшичек. - Пей, Илья! Выпил Илья воду колодезную. - Сколько теперь в тебе силушки? - Во мне силушки половинушка. - Ну и будет с тебя, молодец. Будешь ты, Илья, велик богатырь, бейся-ратайся с врагами земли родной, с разбойниками да с чудищами. Защищай вдов, сирот, малых деточек. Никогда только, Илья, со Святогором не спорь, через силу носит его земля. Ты не ссорься с Микулой Селяниновичем, его любит мать сыра земля. Не ходи ещё на Вольгу Всеславьевича, он не силой возьмёт, так хитростью-мудростью. А теперь прощай, Илья. Поклонился Илья каликам перехожим, и ушли они за околицу.

А Илья взял топор и пошёл на пожню к отцу с матерью. Видит - малое местечко от пенья-коренья расчищено, а отец с матерью, от тяжёлой

работы умаявшись, опят крепким сном: люди старые, а работа тяжёлая. Стал Илья лес расчищать - только щепки полетели. Старые дубы с одного взмаха валит, молодые с корнем из земли рвёт. За три часа столько поля расчистил, сколько вся деревня за три дня не осилит. Развалил он поле великое, спустил деревья в глубокую реку, воткнул топор в дубовый пенёк, ухватил лопату да грабли и вскопал и выровнял поле широкое - только знай зерном засевай! Проснулись отец с матерью, удивились, обрадовались, добрым словом вспоминали стариков-странников. А Илья пошёл себе коня искать. Вышел он за околицу и видит - ведёт мужичок жеребёнка рыжего, косматого, шелудивого. Вся цена жеребёнку грош, а мужик за него непомерных денег требует: пятьдесят рублей с полтиною. Купил Илья жеребёнка, привёл домой, поставил в конюшню, белоярой пшеницей откармливал, ключевой водой отпаивал, чистил, холил, свежей соломой подкладывал. Через три месяца стал Илья Бурушку на утренней заре на луга выводить. Повалялся жеребёнок по зоревой росе, стал богатырским конём. Подводил его Илья к высокому тыну. Стал конь поигрывать, поплясывать, головой повёртывать, гривой потряхивать. Стал через тын взад-вперёд перепрыгивать. Десять раз перепрыгнул и копытом не задел! Положил Илья на Бурушку руку богатырскую, - не пошатнулся конь, не шелохнулся. - Добрый конь, - говорит Илья. - Будет он мне верным товарищем. Стал Илья себе меч по руке искать. Как сожмёт в кулаке рукоятку меча, сокрушится рукоять, рассыплется. Нет Илье меча по руке. Бросил Илья мечи бабам лучину щепать. Сам пошёл в кузницу, три стрелы себе выковал, каждая стрела весом в целый пуд. Изготовил себе тугой лук, взял копье долгомерное да ещё палицу булатную.

Снарядился Илья и пошёл к отцу с матерью: - Отпустите меня, батюшка с матушкой, а .стольный Киев-град к князю Владимиру. Буду служить Руси -родно;" верой-правдой, беречь землю русскую от недругов-ворогов. Говорит старый Иван Тимофеевич: - Я на добрые дела благословляю тебя, а на худые дела моего благословения нет. Защищай нашу землю русскую не для золота, не из корысти, а для чести, для богатырской славушки. Зря не лей крови людской, не слези матерей, да не забывай, что ты роду чёрного, крестьянского. Поклонился Илья отцу с матерью до сырой земли .и пошёл седлать Бурушку-Косматушку.

Положил на коня войлочные, а на войлочные - потнички, а потом седло черкасское с двенадцатью подпругами шелковыми, а с тринадцатой - железной не для красоты, а для крепости. Захотелось Илье свою силу попробовать. Он подъехал к Оке-реке, упёрся плечом в высокую гору, что на берегу была, и свалил её в реку Оку. Завалила гора русло, потекла река по-новому. Взял Илья хлебка ржаного корочку, опустил ее в реку Оку, сам Оке-реке приговаривал: - А спасибо тебе, матушка Ока-река, что поила, что кормила Илью Муромца. На прощанье взял с собой земли родной малую горсточку, сел на коня, взмахнул плёткой...

Видели люди, как вскочил на коня Илья, да не видели, куда поскакал. Только пыль по полю столбом поднялась.

Илья избавляет Царьград от Идолища.

Едет Илья по чистому полю, о Святогоре печалится. Вдруг видит - идёт по степи калика перехожий, старичиме Иванчище. - Здравствуй, старичище Иванчище, откуда бредёшь, куда путь держишь? - Здравствуй, Илюшенька, иду я, бреду из Царьграда. да не радостно мне там гостилось, не радостен я и домой иду. - А что же там в Царьграде не по-хорошему? - Ох, Илюшенька; всё в Царьграде не по-прежнему, не по-хорошему: и люди плачут, и милостыни не дают. Засел во дворце у князя царьградского великан - страшное Идолище, всем дворцом завладел - что хочет, то и делает. - Что же ты его клюкой не попотчевал? - А что я с ним сделаю? Он ростом больше двух сажений, сам толстый, как столетний дуб, нос у него - что локоть торчит. Испугался я Идолища поганого. - Эх, Иванчище, Иванчище! Силы у тебя вдвое против меня. а смелости и в половину нет. Снимай-ка ты своё платье, разувай лапти-обтопочки, подавай свою шляпу пуховую да клюку свою горбатую: оденусь я каликою перехожею, чтобы не узнало Идолище поганое меня. Илью Муромца. Раздумался Иванчище, запечалился: - Никому бы не отдал я своё платье, Илюшенька. Вплетено в мои лапти-обтопочки по два дорогих камня. Они ночью осенней мне дорогу освещают. Да ведь сам не отдам - ты возьмёшь силою? - Возьму, да еще бока набью. Снял калика одежду стариковскую, разул свои лапотки, отдал Илье и шляпу пуховую, и клюку подорожную. Оделся Илья Муромец каликою и говорит: - Одевайся в моё платье богатырское, садись на Бурушку-Косма-тушку и жди меня у речки Смородиной. Посадил Илья [калину](#) на коня и привязал его к седлу двенадцатью подпругами. - А то мой Бурушка тебя враз стряхнёт, - сказал он калине перехожему. И пошёл Илья к Царьграду. Что ни шаг - Илья по версте отмер дает, скоро-наскоро пришёл в Царьград, подошёл к княжескому тере му. Мать-земля под Ильёй дрожит, а слуги злого Идолища над ним подсмеиваются; - Эх ты, калика русская нищая! Экий невежа в Царьград пришёл Наш Идолище двух сажен, а и то пройдет тихо по горенке, а ты стучишь-гремишь, топочешь. Ничего им Илья не сказал, подошёл к терему и запел по-каличьсму: - Подай, князь, бедному калике милостыню! От Илюшиного голоса белокаменные палаты зашатались, стёкла посыпались, на столах напитки расплескались, Слышит князь царьградский, что это голос Ильи Муромца, - обрадовался, на Идолище не глядит, в окно посматривает. А великанище-Идолище кулака по столу стучит: Голосисты калики русские! Я тебе, князь, велел на двор калик не пускать! Ты чего меня не слушаешь? Рассержусь - голову прочь оторву. А Илья зову не ждёт, прямо в терем идёт. На крыльцо взошёл - крыльцо расшаталось, по полу идет -половицы гнутся. Вошёл в терем, поклонился князю

царьградскому, а Идолищу поганому поклону не клал. Сидит Идолище за столом, хамкает, по ковриге в рот запихивает, по ведру мёду сразу пьёт, князю царьградскому корки-объедки под стол мечет, а тот спину гнет, молчит, слезы льёт. Увидал Идолище Илью, раскричался, разгневался; - Ты откуда такой храбрый взялся? Разве ты не слыхал, что я не велел русским каликам милостыню давать? - Ничего не слыхал, Идолище не к тебе я пришёл, а к хозяину - князю царьградскому. - Как ты смеешь со мной так разговаривать? Выхватил Идолище острый нож, метнул в Илью Муромца. А Илья не промах был - отмахнул нож шапкой греческой. Полетел нож в дверь, сшиб дверь с петель, вылетела дверь на двор да двенадцать слуг Идолища до смерти убила. Задрожал Идолище, а Илья ему и говорит: - Мне всегда батюшка наказывал: плати долги поскорей, тогда ещё дадут! Пустил он в Идолища шапкой греческой, ударился Идолище об стену, стену головой проломил, А Илья подбежал и стал его клюкой охаживать, приговаривать: - Не ходи по чужим домам, не обижай людей, найдутся и на тебя старшие? И убил Илья Идолище, отрубил ему голову Святогоровым мечом и слуг его вон из царства прогнал.

Низко кланялись Илье люди царьградские: - Чем тебя благодарить, Илья Муромец, русский богатырь, что избавил нас от плена великого? Оставайся с нами в Царьграде жить. - Нет, друзья, я и так у вас замешкался; может, на родной Руси моя сила нужна. Нанесли ему люди царьградские серебра, и золота, и жемчуга, взял Илья только малую горсточку. - Это - говорит, - мной заработано, а другое - нищей братии раздайте. Попрощался Илья и ушел из Царьграда домой на Русь. Около речки Смородиной увидел Илья Иванчища. Носит его Бурушка-Косматушка, о дубы бьет, о камни трёт. Вся одежда на Иванчище клоками висит, еле жив калина в седле сидит, - хорошо двенадцатью подпругами привязан. Отвязал его Илья, отдал его платье каличье. Стонет, охает Иванчище, а Илья ему приговаривает: - Вперёд наука тебе, Иванчище: силы у тебя вдвое против моей, а смелости вполовину нет. Не годится русскому богатырю от напасти бежать, друзей в беде покидать! Сел Илья на Бурушку и поехал к Киеву. А слава впереди него бежит. Как подъехал Илья к княжескому двору, встретили его князь с княгиней, встретили бояре и дружинники, принимали Илью с почётом, с ласкою. Подошёл к нему Алёша Попович: - Слава тебе, Илья Муромец. Ты прости меня, забудь мои речи глупые, ты прими меня к себе за младшего. Обнял его Илья Муромец: - Кто старое помянет, тому глаз вон. Будем вместе мы с тобой и с Добрыней на заставе стоять, родную Русь от врагов беречь! И пошёл у них пир горой. На том пиру Илью славили: честь и слава Илье Муромцу!

На заставе богатырской.

Под городом Киевом, в широкой степи Цицарской стояла богатырская застава. Атаманом на заставе старый Илья Муромец, податаманом

Добрыня Никитич, есаулом Алёша Попович. И дружинники у них храбрые: Гришка - боярский сын, Василий Долгополый, да и все хороши. Три года стоят богатыри на заставе, не пропускают к Киеву ни пешего, ни конного. Мимо них и зверь не проскользнёт, и птица не пролетит. Раз пробежал мимо заставы горностаика, да и тот шубу свою оставил. Пролетал сокол, перо выронил. Вот раз в недобрый час разбрелись богатыри-караульщики: Алёша в Киев ускакал, Добрыня на охоту уехал, а Илья Муромец заснул в своём белом шатре... Едет Добрыня с охоты и вдруг видит: в поле, позади заставы, ближе к Киеву, след от копыта конского, да не малый след, а в полпечи. Стал Добрыня след рассматривать: - Это след коня богатырского. Богатырского коня, да не русского: проехал мимо нашей заставы могучий богатырь из казарской земли - по-ихнему копыта подкованы. Прискакал Добрыня на заставу, собрал товарищей: - Что же это мы наделали? Что же у нас за застава, коль проехал мимо чужой богатырь? Как это мы, братцы, не углядели? Надо теперь ехать в погоню за ним, чтобы он чего не натворил на Руси. Стали богатыри судить-рядить, кому ехать за чужим богатырём. Думали послать Ваську Долгополого, а Илья Муромец не велит Ваську слать: - У Васьки полы длинные, по земле ходит Васька заплетается, в бою заплетётся и погибнет зря. Думали послать Гришку боярского. Говорит атаман Илья Муромец: - Неладно, ребяташки, надумали. Гришка рода боярского, боярского рода хвастливого. Начнёт в бою хвастаться и погибнет понапрасну. Ну, хотят послать Алёшу Поповича. И его не пускает Илья Муромец: - Не в обиду будь ему сказано, Алёша роду поповского, поповские глаза завидующие, руки загребущие. Увидит Алёша на чуженине много серебра да золота, позавидует и погибнет зря. А пошлём мы, братцы, лучше Добрыню Никитича. Так и решили - ехать Добрынюшке, побить чуженина, срубить ему голову и привезти на заставу молодецкую. Добрыня от работы не отлынивал, заседлал коня, брал палицу, опоясался саблей острой, взял плетёшь шелковую, въехал на гору Сорочинскую. Посмотрел Добрыня в трубочку серебряную - видит: в поле что-то чернеется. Поскакал Добрыня прямо на богатыря, закричал ему громким голосом: - Ты зачем нашу заставу проезжаешь, атаману Илье Муромцу челом не бьёшь, есаулу Алёше пошлины в казну не кладёшь?! Услышал богатырь Добрыню, повернул коня, поскакал к нему. От его скоку земля заколебалась, из рек, озёр вода выплеснулась, конь Добрынин на колени упал. Испугался Добрыня, повернул коня, поскакал обратно на заставу. Приезжает он ни жив, ни мёртв, рассказывает всё товарищам. - Видно мне, старому, самому в чистое поле ехать придётся, раз даже Добрыня не справился, - говорит Илья Муромец. Снарядился он, оседлал Бурушку и поехал на гору Сорочинскую. Посмотрел Илья из кулака молодецкого и видит: разъезжает богатырь, тешится. Он кидает в небо палицу железную весом в девяносто пудов, на лету ловит палицу одной рукой, вертит ею, словно перышком. Удивился Илья, призадумался. Обнял он Бурушку-Косматушку: - Ох ты, Бурушка мой косматенький, послужи ты мне верой-правдой, чтоб не срубил мне

чуженин голову. Заржал Бурушка, поскакал на нахвальщика. Подъехал Илья и закричал: - Эй ты, вор, нахвальщик! Зачем хвастаешь?! Зачем ты заставу миновал, есаулу нашему пошлины не клал, мне, атаману, челом не бил?! Услыхал его нахвальщик, повернул коня, поскакал на Илью Муромца. Земля под ним содрогнулась, реки, озёра выплеснулись. Не испугался Илья Муромец. Бурушка стоит как вкопанный, Илья в седле не шелохнется. Съехались богатыри, ударились палицами, - у палиц рукоятки отвалились, а друг друга богатыри не ранили. Саблями ударились, - переломились сабли булатные, а оба целы. Острыми копьями кололись, - переломили копья по маковки! - Знать, уж надо биться нам врукопашную! Сошли они с коней, схватились грудь с грудью. Бьются весь день до вечера, бьются с вечера до полночи, бьются с полночи до ясной зари, - ни один верх не берёт. Вдруг взмахнул Илья правой рукой, поскользнулся левой ногой и упал на сырую землю. Наскочил нахвальщик, сел ему на грудь, вынул острый нож, насмехается: - Старый ты старик, зачем воевать пошёл? Разве нет у вас богатырей на Руси? Тебе на покой пора. Ты бы выстроил себе избушку сосновую, собирал бы милостыню, тем бы жил-поживал до скорой смерти. Так нахвальщик насмехается, а Илья от русской земли сил набирается. Прибыло Илье силы вдвое, - он как'вскочит, как подбросит нахвальщика! Полетел тот выше'леса стоячего, выше облака ходячего, упал и ушёл в землю по пояс. Говорит ему Илья: - Ну и славный ты богатырь! Отпущу я тебя на все четыре стороны, только ты с .Руси прочь уезжай да другой раз заставу не минуй, бей челом атаману, плати пошлины. Не броди по Руси нахвальщиком. И не стал Илья ему рубить голову. Воротился Илья на заставу к богатырям. - Ну, - говорит, - братцы мои милые, тридцать лет я езжу по полю, с богатырями бьюсь, силу пробую, а такого богатыря не видывал!

Три поездки Ильи Муромца.

Ездил Илья по чистому полю, защищал Русь от врагов с молодых лет до старости. Хорош был у старого добрый конь, его Бурушка-Косматушка. Хвост у Бурушки трёх саженец, грива до колен, а шерсть трёх пядей. Он броду не искал, перевозу не ждал, одним скоком он реки перескакивал. Он старого Илью Муромца сотни раз от смерти спасал. Не туман с моря поднимается, не белые снега в поле белеются, едет Илья Муромец по русской степи. Забелелась его головушка, его кудрявая бородушка, затуманился его ясный взор: - Ах ты, старость, ты, старость старая! Застала ты Илью в чистом поле, налетела чёрным вороном! Ах ты, молодость, молодость молодецкая! Улетела ты от меня ясным соколом! Подъезжает Илья к трём дорожкам, на перекрёстке камень лежит, а на том камне написано: "Кто вправо поедет - тому убитым быть, кто влево

поедет-тому богатым стать, а кто прямо поедет- тому женатым быть". Призадумался Илья Муромец: - На что мне, старому, богатство? Нет у меня ни жены, ни деточек, некому цветное платье носить, некому казну тратить. Поехать мне разве, где женатому быть? Да на что мне, старому, жениться? Молодую взять мне не годится, а старуху взять, так на печи лежать да кисель хлебать. Эта старость не для Ильи Муромца. Поеду-ка я по той дорожке, где убитому быть. Умру в чистом поле, как славный богатырь! И поехал он по дороге, где убитому быть. Только он отъехал три версты, напали на него сорок разбойников. Хотят его с коня стащить, хотят его ограбить, до смерти убить. А Илья головой качает, приговаривает: - Эй вы, разбойничий, вам убивать меня не за что и ограбить у меня нечего. Только и есть у меня кунья шубка в пятьсот рублей, соболина шапка в три сотенки, да узда в пятьсот рублей, да седло черкасское в две тысячи. Ну, ещё попона семи шелков, шита золотом да крупным жемчугом. Да меж ушами у Бурушки камень-самоцвет. Он в осенние ночи как солнце горит, за три версты от него светло. Да ещё, пожалуй, есть конь Бурушка - так ему во всём мире цены нет. Из-за такой малости стоит ли старому голову рубить?! Рассердился атаман разбойников: - Это он над нами насмехается! Ах ты, старый чёрт, седой волк! Очень много ты разговариваешь! Гей, ребяташки, рубите ему голову! Соскочил Илья с Бурушки-Косматушки, хватил шапку с седой головы, да и стал шапкой помахивать: где махнёт - там станет улица, отмахнётся - переулочек. За один взмах десять разбойников лежат, за второй-и двадцати на свете нет! Взмолился атаман разбойников: - Не побей нас всех, старый богатырь! Ты бери с нас золото, серебро, платье цветное, табуны коней, только нас живыми оставь! Усмехнулся Илья Муромец: - Кабы брал я со всех золотую казну, у меня были бы погреба полные. Кабы брал я цветное платье, за мной были бы горы высокие. Кабы брал я добрых коней, за мной гнали бы табуны великие. Говорят ему разбойники: - Одно красное солнце на белом свете - один на Руси такой богатырь Илья Муромец! Ты иди к нам, богатырь, в товарищи, будешь у нас атаманом! - Ой, братцы-разбойники, не пойду я к вам в товарищи, да и вы расходитесь по своим местам, по своим домам, к жёнам, к деткам, будет вам у дорог стоять, проливать кровь невинную. Повернул коня и ускакал прочь Илья. Он вернулся к белому камню, стёр старую надпись, новую написал: "Ездил в правую дорожку-убит не был!" - Ну, поеду теперь, где женатому быть! Как проехал Илья три версты, выехал на лесную поляну. Там стоят терема златоверхие, широко раскрыты ворота серебряные, на воротах петухи поют. Въехал Илья на широкий двор, выбежали к нему навстречу двенадцать девушек, среди них королевична-красавица. - Добро пожаловать, русский богатырь, зайди в мой высокий терем, выпей сладкого вина, скушай хлеба-соли, жареной лебеди! Взяла его королевична за руку, повела в терем, посадила за дубовый стол. Принесли Илье мёду сладкого, вина заморского, жареных лебёдушек, калачей крупитчатых... Напоила-накормила богатыря, стала его уговаривать: - Ты устал с дороги,

умаялся, ложись отдохни на кровать тесовую, на перину пуховую. Повела королевична Илью в спальную горенку, а Илья идёт и думает: "Неспроста она со мной ласкова: что королевичне простой казак, старый дедушка! Видно, что-то у нее задумано". Видит Илья, что у стены стоит кровать точёная золочёная, цветами расписана, догадался, что кровать с хитростью. Схватил Илья королевичну и бросил на кровать к тесовой стене. Повернулась кровать, и открылся погреб каменный, - туда и свалилась королевична. Рассердился Илья: - Эй вы, слуги безымянные, несите мне ключи от погреба, а не то срублю вам головы! - Ох, дедушка незнаемый, мы ключей и в глаза не видавали, ходы в погреба покажем тебе. Повели они Илью в подземелья глубокие; сыскал Илья двери погреба; они песками были засыпаны, дубами толстыми завалены. Илья пески руками раскопал, дубы ногами растолкал, открыл двери погреба. А там сидят сорок королей-королевичей, сорок царей-царевичей и сорок русских богатырей. Вот зачем королевична зазывала в свои терема златоверхие! Говорит Илья королям и богатырям: - Вы идите, короли, по своим землям, а вы, богатыри, по своим местам и вспоминайте Илью Муромца. Кабы не я, сложили бы вы головы в глубоком погребе. Вытащил Илья за косы на белый свет королевичну и срубил ей лукавую голову. А потом вернулся Илья к белому камню, стёр старую надпись, написал новую: "Прямо ездил-женатым не бывал". - Ну, поеду теперь в дорожку, где богатому быть. Только отъехал он три версты, увидал большой камень в триста пудов. А на том камне написано: "Кому камень под силу свернуть, тому богатому быть".- Принатужился Илья, упёрся ногами, по колена в землю ушёл, поддал могучим плечом - свернул с места камень. Открылся под камнем глубокий погреб - богатства несметные: и серебро, и золото, и крупный жемчуг, и яхонты! Нагрузил Илья Бурушку дорогой казной и повёз её в Киев-град. Там построил три церкви каменные, чтобы было где от врагов спастись, от огня отсидеться. Остальное серебро-золото, жемчуг роздал он вдовам, сиротам, не оставил себе ни полушечки. Потом сел на Бурушку, поехал к белому камню, стёр надпись старую, написал надпись новую: "Влево ездил - богат не бывал". Тут Илье навек слава и честь пошла, а наша была до конца дошла.

Как Илья поссорился с князем Владимиром.

Ездил Илья в чистом поле много времени, постарел, бородой оброс. Цветное платье на нём поистаскалось, золотой казны у него не осталось, захотел Илья отдохнуть, в Киеве пожить. - Побывал я во всех Литвах, побывал я во всех Ордах, не бывал давно в одном Киеве. Поеду-ка я в Киев да проведу, как живут люди в стольном городе. Прискакал Илья в Киев, заехал на княжеский двор. У князя Владимира идёт весёлый пир.

За столом сидят бояре, гости богатые, русские могучие богатыри. Зашёл Илья в гридню княжескую, стал у двери, поклонился по-учёному, князю Солнышку с княгиней - особенно. - Здравствуй, Владимир стольно-киевский! Поишь ли, кормишь ли заезжих богатырей? - Ты откуда, старик, каким тебя зовут именем? - Я Никита Заолешанин. - Ну, садись, Никита, с нами хлеба кушать. Есть ещё местечко на дальнем конце стола, ты садись там на край скамеечки. Все другие места заняты. У меня сегодня гости именитые, не тебе, мужику, чета - князья, бояре, богатыри русские. Усадили слуги Илью на худом конце стола. Загремел тут Илья на всю горницу: - Не родом богатырь славен, а подвигом. Не по делам мне место, не по силе честь! Сам ты, князь, сидишь с воронами, а меня садишь с неумными воронятами. Захотел Илья поудобнее сесть, поломал скамьи дубовые, погнул сваи железные, прижал всех гостей в большой угол... Это князю Владимиру не понравилось. Потемнел князь, как осенняя ночь, закричал, заревел, как лютый зверь: - Что же ты, Никита Заолешанин, перемешал мне все места почётные, погнул сваи железные! У меня между богатырских мест проложены не зря были сваи крепкие. Чтобы богатыри на пиру не толкались, ссор не заводили! А ты что тут за порядки навёл?! Ай вы, русские богатыри, вы чего терпите, что лесной мужик назвал вас воронами? Вы берите его под руки, выкиньте из гридни на улицу! Выскочили тут три богатыря, стали Илью подталкивать, подёргивать, а он стоит, не шатается, на голове колпак не сдвинется. Коли хочешь, Владимир-князь, позабавиться, подавай мне ещё трёх богатырей! Вышли ещё три богатыря, ухватились вшестером за Илью, а он с места не сдвинулся. - Мало, князь, даёшь, дай ещё троих! Да и девять богатырей ничего с Ильёй не сделали: стоит старый, как столетний дуб, с места не сдвинется. Распалился богатырь: - Ну, теперь, князь, пришёл мой черёд потешиться! Стал он богатырей поталкивать, попинывать, с ног валить. Расползлись богатыри по горнице, ни один на ноги не может встать. Сам князь забился в запечник, закрылся шубкой куньей и дрожмя дрожит... А Илья вышел из гридни, хлопнул дверьми - двери вылетели, воротами хлопнул - ворота рассыпались... Вышел он на широкий двор, вынул тугой лук и стрелы острые, стал стрелам приговаривать: - Вы летите, стрелы, к высоким кровлям, сшибайте с теремов золотые маковки! Тут посыпались золотые маковки с княжеского терема. Закричал Илья во весь богатырский крик: - Собирайтесь, люди нищие, голые, подбирайте золотые маковки, несите в кабаки, пейте вино, ешьте калачей досыта! Набежали голи нищие, подобрали маковки, стали с Ильёй пировать, гулять. А Илья их угощает, приговаривает: - Пей-ешь, братия нищая, князя Владимира не бойся; может, завтра я сам буду княжить в Киеве, а вас сделаю помощниками! Донесли обо всём Владимиру: - Сбил Никита твои, князь, маковки, поит-кормит нищую братию, похваляется сесть князем в Киеве. Испугался князь, задумался. Встал тут Добрыня Никитич: - Князь ты наш, Владимир Красное Солнышко! Это ведь не Никита Заолешанин, это ведь сам Илья Муромец, надо его назад вернуть, перед ним покаяться, а то как бы худо

не было. Стали думать, кого за Ильёй послать. Послать Алёшу Поповича - тот не сумеет позвать Илью. Послать Чурилу Пленковича - тот только наряжаться умен. Порешили послать Добрыню Никитича, его Илья Муромец братом зовет. Улицей идёт Добрыня и думает: "Грозен в гнев Илья Муромец. Не за смертью ли своей идёшь, Добрынюшка?" Пришёл Добрыня, поглядел, как Илья пьёт-гуляет, стал раздумывать: "Спереди зайти, так сразу убьёт, а потом опомнится. Лучше я к нему сзади подойду". Подошёл Добрыня сзади к Илье, обнял его за могучие плечи: - Ай ты, братец мой, Илья Иванович! Ты сдержи свои руки могучие, ты скрепи своё гневное сердце, ведь послов не бьют, не вешают. Послал меня Владимир-князь перед тобой покаяться. Не узнал он тебя, Илья Иванович, потому и посадил на место не почётное. А теперь он просит тебя назад прийти. Примет тебя с честью, со славою. Обернулся Илья: - Ну и счастлив ты, Добрынюшка, что сзади зашёл! Если бы ты зашёл спереди, только косточки от тебя остались бы. А теперь я тебя не трону, братец мой. Коли просишь ты, я пойду обратно, к князю Владимиру, да не один пойду, а всех моих гостей захвачу, пусть уж князь Владимир не прогневается! И созвал Илья всех своих товарищей, всю нищую братию голую и пошел с ними на княжеский двор. Встретил его князь Владимир, за руки брал, целовал в уста сахарные: - Гой еси, ты старый Илья Муромец, ты садись повыше всех, на место почётное! Не сел Илья на место почётное, сел на место среднее и посадил рядом с собой всех нищих гостей. - Кабы не Добрынюшка, убил бы я тебя сегодня, Владимир-князь. Ну уж на этот раз твою вину прощу. Понесли слуги гостям угощение, да не щедро, а по чарочке, по сухому калачику. Снова Илья в гнев вошёл: - Так-то, князь, ты моих гостей потчешь? Чарочками маленькими! Владимиру-князю это не понравилось: - Есть у меня в погребе сладкое вино, найдётся на каждого по бочке-сороковочке. Если это, что на столе, не понравилось, пусть сами из погребов принесут, не великие бояре. - Эй, Владимир-князь, так ты гостей потчешь, так их чествуешь, чтобы сами бегали за питьём да за кушаньем! Видно, мне самому придётся быть за хозяина! Вскочил Илья на ноги, побежал в погреба, взял одну бочку под одну руку, другую под другую руку, третью бочку ногой покатыл. Выкатил на княжеский двор. - Берите, гости, вино, я ещё принесу! И опять спустился Илья в погреба глубокие. Разгневался князь Владимир, закричал громким голосом: - Гой вы, слуги мои, слуги верные! Вы бегите поскорее, закройте двери погреба, задёрните чугунной решёткой, засыпьте жёлтым песком, завалите столетними дубами. Пусть умрёт там Илья смертью голодной! Набежали слуги и прислужники, заперли Илью, завалили двери погреба, засыпали песком, задёрнули решёткой, погубили верного, старого, могучего Илью Муромца!.. А голей нищих плётками со двора согнали. Этакое дело русским богатырям не понравилось. Они встали из-за стола не докушавши, вышли вон из княжеского терема, сели на добрых коней и уехали. - А не будем же мы больше жить в Киеве! А не будем же служить

князю Владимиру! Так-то в ту пору у князя Владимира не осталось в Киеве богатырей.

Про прекрасную Василису Микулишну.

Шел раз у князя Владимира большой пир, и все на том пиру были веселы, все на том пиру хвалились, а один гость невесел сидел, мёду не пил, жареной лебёдушки не ел, - это Ставер Годинович, торговый гость из города Чернигова. Подошёл к нему князь: Ты чего, Ставер Годинович, не ешь, не пьёшь, невесёлый сидишь и ничем не хвалишься? Правда, ты и родом не именит, и ратным делом не славен - чем тебе и похвастаться. - Право слово твоё, великий князь: нечем мне хвастать. Отца с матерью у меня давно нету, а то их бы похвалил... Хвастать золотой казной мне не хочется; я и сам не знаю, сколько её у меня, пересчитать до смерти не успею. Хвастать платьем не стоит: все вы в моих платьях на этом пиру ходите. У меня тридцать портных на меня одного день и ночь работают. Я с утра до ночи кафтан поношу, а потом и вам продам. Сапогами тоже не стоит хвастаться: каждый час надеваю сапоги новые, а обносочки вам продаю. Кони все у меня златошёрстные, овцы все с золотым руном, да и тех я вам продаю. Разве мне похвастать молодой женой Василисой Микулишной, старшей дочерью Микулы Селяниновича. Вот такой другой на свете нет! У неё под косой светлый месяц блестит, у неё брови черней соболя, очи у неё ясного сокола! А умнее её на Руси человека нет! Она всех вас кругом пальца обовьёт, тебя, князь, и то с ума сведёт. Услыхав такие дерзкие слова, все на пиру испугались, приумолкли... Княгиня Апраксия обиделась, заплакала. А князь Владимир разгневался: - Ну-ка, слуги мои верные, хватайте Ставра, волоките его в холодный подвал, за его речи обидные прикуйте его цепями к стене. Поите его ключевой водой, кормите овсяными лепёшками. Пусть сидит там, пока не образумится. Поглядим, как его жена нас всех с ума сведёт и Ставра из неволи выручит! Ну, так всё и сделали: посадили Ставра в глубокие погреба. Но князю Владимиру мало этого: приказал он в Чернигов стражу послать, опечатать богатства Ставра Годиновича, а его жену в цепях в Киев привезти - посмотреть, что это за умница! Пока послы собирались да коней седлали, долетела обо всём весть в Чернигов к Василисе Микулишне. Горько Василиса задумалась: "Как мне милого мужа выручить? Деньгами его не выкупишь, силой не возьмёшь! Ну, не возьму силой, возьму хитростью!" Вышла Василиса в сени, крикнула: - Эй вы, верные мои служаночки, седлайте мне лучшего коня, несите мне платье мужское татарское да рубите мне косы русые! Поеду я милого мужа выручать! Горько плакали девушки, пока резали Василисе косы русые. Косы длинные весь пол усыпали, упал на косы и светлый месяц. Надела Василиса мужское платье татарское, взяла лук со стрелами и поскакала к Киеву. Никто и не поверит, что это женщина, - скачет по полю молодой богатырь. На полдороге встретились ей послы из Киева: - Эй, богатырь, куда ты путь держишь? - Еду я к князю Владимиру послом из грозной

Золотой Орды получать дань за двенадцать лет. А вы, молодцы, куда направились? - А мы едем к Василисе Микулишне, её в Киев брать, богатство её на князя перевести. - Опоздали вы, братцы. Василису Микулишну я в Орду отослал, и богатства её мои дружинники вывезли. - Ну, коли так, нам в Чернигове делать нечего. Мы поскачем обратно к Киеву. Поскакали киевские гонцы к князю, рассказали ему, что едет в Киев посол от грозной Золотой Орды. Запечалился князь: не собрать ему дани за двенадцать лет, надо посла умиловить. Стали столы накрывать, на двор ельничек бросать, поставили на дороге дозорных людей - ждут гонца из Золотой Орды. А посол, не доехав до Киева, разбил шатёр в чистом поле, оставил там своих воинов, а сам один поехал к князю Владимиру. Красив посол, и статен, и могуч, и не грозен лицом, и учтив посол. Соскочил с коня, привязал его к золотому кольцу, пошёл в горницу. Поклонился на все четыре стороны, князю и княгине отдельно. Ниже всех поклонился Забаве Путятишне. Говорит князь послу: - Здравствуй, грозный посол из Золотой Орды, садись за стол. отдохни, поешь-попей с дороги. - Некогда мне рассиживаться: нас, послов, хан за это не жалует. Подавай-ка мне побыстрее дани за двенадцать лет да отдай за меня замуж Забаву Путятишну и, я в Орду поскачу! - Позволь, посол, мне с племянницей посоветоваться. Вывел князь Забаву из горницы и спрашивает: - Ты пойдешь ли, племянница, за ордынского посла? И Забава ему говорит тихонько: - Что ты, дядюшка! Что ты задумал, князь? Не делай смеху по всей Руси, - это ведь не богатырь, а женщина. Рассердился князь: - Волос у тебя долог, да ум короток: это грозный посол из Золотой Орды, молодой богатырь Василий. - Не богатырь это, а женщина! Он по горнице идёт, словно уточка плывёт, каблуками не пристукивает; он на лавочке сидит, колена вместе жмёт. Голос у него серебряный, руки-ноги маленькие, пальцы тонкие, а на пальцах видны следы от колец. Задумался князь: - Надо мне посла испытать! Позвал он лучших киевских молодцов-борцов - пять братьев Притченков да двух Хапиловых, вышел к послу и спрашивает: - Не хочешь ли ты, гость, с борцами потешиться, на широком дворе побороться, размять с дороги косточки? - Отчего же кости не размять, я с детства бороться люблю. Вышли все на широкий двор, вошёл молодой посол в круг, захватил одной рукой трёх борцов, другой - трёх молодцов, седьмого бросил в середину да как ударит их лоб об лоб, так все семь на земле лежат и встать не могут. Плюнул князь Владимир и прочь пошёл: - Ну и глупая Забава, неразумная! Женщиной такого богатыря назвала! Таких послов мы еще не видели! А Забава всё на своём стоит: - Женщина это, а не богатырь! Уговорила она князя Владимира, захотел он ещё раз посла испытать. ^Вывел он двенадцать стрельцов. - Не охота ли тебе, посол, из лука со стрельцами потешиться? - Отчего же! Я с детства из лука постреливал! Вышли двенадцать стрельцов, пустили стрелы в высокий дуб. Зашатался дуб, будто по лесу вихрь прошёл. Взял посол Василий лук, натянул тетиву, - спела шелковая тетива, взвыла и пошла стрела калёная, упали наземь могучие богатыри, князь Владимир

на ногах не устоял. Хлестнула стрела по дубу, разлетелся дуб на мелкие щепы. - Эх, жаль мне могучий дуб, - говорит посол, - да больше жаль стрелку калёную, теперь её во всей Руси не найти! Пошёл Владимир к племяннице, а она всё своё твердит: женщина да женщина! Ну, - думает князь, - сам я с ним перевожусь - не играют женщины на Руси в шахматы заморские! Приказал принести золотые шахматы и говорит послу: - Не угодно ли тебе со мной потешиться, поиграть в шахматы заморские? - Что ж, я с малых лет всех ребят в шашки-шахматы обыгрывал! А на что мы, князь, играть начнём? - Ты поставь дань за двенадцать лет, а я весь Киев-город поставлю. - Хорошо, давай играть! Стали шахматами по доске стучать. Князь Владимир хорошо играл, а посол раз пошёл, другой пошёл, а десятый пошёл - князю шах и мат, да и шахматы прочь! Запечалился князь: - Отобрал ты у меня Киев-град, - бери, посол, и голову! - Мне не надо твоей головы, князь, и не надо Киева, отдай мне только твою племянницу Забаву Путятишну. Обрадовался князь и на радостях не пошёл больше Забаву и спрашивать, а велел готовить свадебный пир. Вот пируют они день-другой и третий, веселятся гости, а жених с невестой невеселы. Ниже плеч посол голову повесил. Спрашивает его Владимир: - Что же ты, Васильюшка, невесел? Иль не нравится тебе наш богатый пир? - Что-то князь, мне тоскливо, нерадостно: может, дома у меня случилась беда, может, ждёт меня беда впереди. Прикажи позвать гусяров, пусть повеселят меня, пропоют про старые года либо про нынешние. Позвали гусяров. Они поют, струнами звенят, а послу не нравится: - Это, князь, не гусяры, не песельники... Говорил мне батюшка, что есть у тебя черниговский Ставер Годинович, вот тот умеет играть, умеет и песню спеть, а эти словно волки в поле воют. Вот бы мне Ставра послушать! Что тут делать князю Владимиру? Выпустить Ставра - так не видать Ставра, а не выпустить Ставра - разгневить посла. Не посмел Владимир разгневить посла, ведь у него дани не собраны, и велел привести Ставра. Привели Ставра, а он еле на ногах стоит, ослабел, голодом заморён... Как выскочит тут посол из-за стола, подхватил Ставра под руки, посадил рядом с собой, стал поить-кормить, попросил сыграть. Наладил Ставер гусли, стал играть песни черниговские. Все за столом заслушались, а посол сидит, слушает, глаз со Ставра не сводит. Кончил Ставер. Говорит посол князю Владимиру: - Слушай, князь Владимир киевский, ты отдай мне Ставра, а я прощу тебе дань за двенадцать лет и вернусь к Золотой Орде. Неохота князю Владимиру Ставра отдавать, да делать нечего. - Бери, - говорит, - Ставра, молодой посол. Тут жених и конца пира не дождался, вскочил на коня, посадил сзади Ставра и поскакал в поле к своему шатру. У шатра он его спрашивает: - Али не узнал меня, Ставер Годинович? Мы с тобой вместе грамоте учились. - Не видал я тебя никогда, татарский посол. Зашёл посол в белый шатёр, Ставра у порога оставил. Быстрой рукой сбросила Василиса татарское платье, надела женские одежды, приукрасилась и вышла из шатра. - Здравствуй, Ставер Годинович. А теперь ты тоже не узнаёшь меня?

Поклонился ей Ставер: - Здравствуй, моя любимая жена, молодая умница Василиса Микулишна! Спасибо, что ты меня из неволи спасла! Только где твои косы русые? - Косами русыми, мой любимый муж, я тебя из погреба вытащила! - Сядем, жена, на быстрых коней и поедем к Чернигову. - Нет, не честь нам, Ставер, тайком убежать, пойдём мы к князю Владимиру пир кончать. Воротились они в Киев, вошли к князю в горницу. Удивился князь Владимир, как вошёл Ставер с молодой женой. А Василиса Микулишна князя спрашивает: - Ай, Солнышко Владимир-князь, я - грозный посол, Ставрова жена, воротилась свадебку доигрывать. Отдашь ли замуж за меня племянницу? Вскочила Забава-княжна: - Говорила я тебе, дядюшка! Чуть бы смеху не наделал по всей Руси, чуть не отдал девицу за женщину. Со стыда князь и голову повесил, а богатыри, бояре смехом давятся. Встряхнул князь кудрями и сам смеяться стал: - Ну уж и верно ты, Ставер Годинович, молодой женой расхвастался! И умна, и смела, и собой хороша. Она всех вокруг пальца обвела и меня, князя, с ума свела. За неё и за обиду напрасную отдарю я тебя подарками драгоценными. Вот и стал отъезжать домой Ставер Годинович с прекрасною Василисой Микулишной. Выходили провожать их князь с княгиней, и богатыри, и слуги княжеские. Стали они дома жить-поживать, добра наживать. А про Василису прекрасную и песни поют, и сказки рассказывают.

Соловей Будимирович.

Из-под старого вяза высокого, из-под кустика ракитового, из-под камешка белого вытекала Днепр-река. Ручейками, речками наполнилась, протекала по русской земле, выносила к Киеву тридцать кораблей. Хорошо все корабли изукрашены, а один корабль лучше всех. Это корабль хозяина Соловья Будимировича. На носу турья голова выточена, вместо глаз у неё вставлены дорогие яхонты, вместо бровей положены чёрные соболи, вместо ушей - белые горностаюшки, вместо гривы - лисы черно-бурые, вместо хвоста - медведи белые. Паруса на корабле из дорогой парчи, канаты шелковые. Якоря у корабля серебряные, а колечки на якорях чистого золота. Хорошо корабль изукрашен всем! Посреди корабля шатёр стоит. Крыт шатёр соболями и бархатом, на полу лежат медвежьи меха. В том шатре сидит Соловей Будимирович со своей матушкой Ульяной Васильевной. А вокруг шатра дружинники стоят. У них платье дорогое, суконное, пояса шелковые, шляпы пуховые. На них сапожки зелёные, подбиты гвоздями серебряными, застёгнуты пряжками золочёными. Соловей Будимирович по кораблю похаживает, кудрями потряхивает, говорит своим дружинникам: - Ну-ка братцы-корабельщики, полезайте на верхние реи, поглядите, не виден ли Киев-город. Выберите пристань хорошую, чтобы нам все корабли в одно место свести. Ползли корабельщики на реи и закричали хозяину: - Близко, близко славный город Киев! Видим мы и пристань корабельную! Вот приехали они к

Киеву, бросили якоря, закрепили корабли. Приказал Соловей Будимирович перекинуть на берег три сходни. Одна сходня чистого золота, другая серебряная, а третья сходня медная. По золотой сходне Соловей матушку свою свёл, по серебряной сам пошёл, а по медной дружинники выбежали. Позвал Соловей Будимирович своих ключников: - Отпирайте наши заветные ларцы, приготовьте подарки для князя Владимира и княгини Апраксин. Насыпайте миску красного золота, да миску серебра, да миску жемчуга. Прихватите сорок соболей да без счёта лисиц, гусей, лебедей. Вынимайте из хрустального сундука дорогую парчу с разводами-пойду я к князю Владимиру. Взял Соловей Будимирович золотые гусельки и пошёл ко дворцу княжескому. За ним идёт матушка со служанками, за матушкой несут подарки драгоценные. Пришёл Соловей на княжеский двор, дружину свою у крыльца оставил, сам с матушкой в горницу вошёл. Как велит обычай русский, вежливый, поклонился Соловей Будимирович на все четыре стороны, а князю с княгиней особенно, и поднёс всем богатые дары. Князю дал он миску золота, княгине-дорогую парчу, а Забаве Путятишне - крупного жемчуга. Серебро роздал слугам княжеским, а меха - богатырям да боярским сыновьям. Князю Владимиру дары понравились, а княгине Апраксин ещё больше того. Затеяла княгиня в честь гостя весёлый пир. Величали на том пиру Соловья Будимировича и его матушку. Стал Владимир-князь Соловья расспрашивать: - Кто такой ты, добрый молодец? Из какого роду-племени? Чем мне тебя пожаловать: городами ли с приселками или золотой казной? - Я торговый гость, Соловей Будимирович. Мне не нужны города с приселками, а золотой казны у меня самого полно. Я приехал к тебе не торговать, а в гостях пожить. Окажи мне, князь, ласку великую- дай мне место хорошее, где я мог бы построить три терема. - Хочешь, стройся на торговой площади, где жёнки да бабы пироги пекут, где малые ребята калачи продают. - Нет, князь, не хочу я на торговой площади строиться. Ты дай мне место поближе к себе. Позволь мне построиться в саду у Забавы Путятишны, в вишенья да в орешнике. - Бери себе место, какое полюбится, хоть в саду у Забавы Путятишны. - Спасибо тебе, Владимир Красное Солнышко. Вернулся Соловей к своим кораблям, созвал свою дружину. - Ну-ка братцы, снимем мы кафтаны богатые да наденем передники рабочие, разуем сапожки сафьяновые и наденем лапти лычковые. Вы берите пилы да топоры, отправляйтесь в сад Забавы Путятишны. Я вам сам буду указывать. И-поставим мы в орешнике три златоверхих терема, чтобы Киев-град краше всех городов стоял. Пошёл стук-перезвон в зелёном саду Забавы Путятишнч, словно дятлы лесные на деревьях пощёлкивают... А к утру-свету готовы три златоверхих терема. Да какие красивые! Верхи с верхами свиваются, окна с окнами сплетаются, одни сени решётчатые, другие сени стеклянные, а третьи - чистого золота. Проснулась утром Забава Путятишна, распахнула окно в зелёный сад и глазам своим не поверила: в её любимом орешнике стоят три те рема, золотые маковки как жар горят. Хлопнула княжна в ладоши, созвала своих нянюшек, мамушек,

сенных девушек. - Поглядите, нянюшки, может, я сплю и во сне мне это видится: вчера пустым стоял мой зелёный сад, а сегодня в нем терема горят. - А ты, матушка Забавушка, пойдёшь посмотри, твоё счастье само тебе во двор пришло. Наскоро Забава оделась. Не умылась, косы не заплела, на босую ногу башмачки обула, повязалась шелковым платком и бегом побежала в сад. Бежит она по дорожке через вишенье к орешнику. Добежала до трёх теремов и пошла тихохонько. Подошла к сеним решётчатым и прислушалась. В том тереме стучит, бренчит, позвякивает - это золото Соловья считают, по мешкам раскладывают. Подбежала к другому терему, к сеним стеклянным, в этом тереме тихим голосом говорят: тут живёт Ульяна Васильевна, родная матушка Соловья Будимировича. Отошла княжна, задумалась, раздумянулась и тихохонько на пальчиках подошла к третьему терему с сеними из чистого золота. Стоит княжна и слушает, а из терема песня льётся, звонкая, словно соловей в саду засвистел. А за голосом струны звенят звоном серебряным. "Войти ли мне? Переступить порог?" И страшно княжне, и поглядеть хочется. "Дай, - думает, - загляну одним глазком". Приоткрыла она дверь, заглянула в щёлку и ахнула: на небе солнце и в тереме солнце, на небе звёзды и в тереме звёзды, на небе зори и в тереме зори. Вся красота поднебесная на потолке расписана. А на стуле из драгоценного рыбьего зуба Соловей Будимирович сидит, в золотые гусельки играет. Услыхал Соловей скрип дверей, встал и к дверям пошёл. Испугалась Забава Путятишна, подломились у неё ноги, замерло сердце, вот-вот упадёт. Догадался Соловей Будимирович, бросил гусельки, подхватил княжну, в горницу внёс, посадил на ременчатый стул. - Что ты, душа-княжна, так пугаешься? Не к медведю ведь в логово вошла, а к учтивому молодцу. Сядь, отдохни, скажи мне слово ласковое. Успокоилась Забава, стала его расспрашивать: - Ты откуда корабли привёл? Какого ты роду-племени? На всё ей учтиво Соловей ответы дал, а княжна забыла обычаи дедовские да как скажет вдруг: - Ты женат, Соловей Будимирович, или холостой живёшь? Если нравлюсь я тебе, возьми меня в замужество. Глянул на неё Соловей Будимирович, усмехнулся, кудрями тряхнул: - Всем ты мне, княжна, приглянулась, всем мне понравилась, только мне не нравится, что сама ты себя сватаешь. Твоё дело скромно в терему сидеть, жемчугом шить, вышивать узоры искусные, дожидать сватов. А ты по чужим теремам бегаешь, сама себя сватаешь. Расплакалась княжна, бросилась из терема бежать, прибежала к себе в горенку, на кровать упала, вся от слез дрожит. А Соловей Будимирович не со зла так сказал, а как старший младшему. Он скорее обулся, понаряднее оделся и пошёл к князю Владимиру: - Здравствуй, князь-Солнышко, позволь мне слово молвить, свою просьбу сказать. - Изволь, говори, Соловеюшка. - Есть у тебя, князь, любимая племянница, - нельзя ли её за меня замуж отдать? Согласился князь Владимир, спросили княгиню Апраксию, спросили Ульяну Васильевну, и послал Соловей сватов к Забавиной матушке. И просватали Забаву Путятишну за доброго гостя Соловья Будимировича. Тут князь-

Солнышко созвал со всего Киева мастеров-искусников и велел им вместе с Соловьем Будимировичем по городу золотые терема ставить, белокаменные соборы, стены крепкие. Стал Киев-город лучше прежнего, богаче старого. Пошла слава о нём по родной Руси, побежала и в страны заморские: лучше нет городов, чем Киев-град.

О князе Романе и двух королевичах.

На чужой стороне, на Уленове, жили-были два брата, два королевича, королевских два племянника. Захотелось им по Руси погулять, города-сёла пожечь, матерей послезить, детей посиротить. Пошли они к королю-дядюшке: Родной дядюшка наш, Чимбал-король, дай нам воинов сорок тысяч, дай золота и коней, мы пойдём грабить русскую землю, тебе добычу привезём. - Нет, племянники-королевичи, я не дам вам ни войска, ни коней, ни золота. Не советую вам ехать на Русь к князю Роману Дмитриевичу. Много я лет на земле живу. много раз видел, как на Русь люди шли, да ни разу не видал, как назад возвращались. А уж если вам так не терпится, поезжайте в землю Девонскую - у них рыцари по спальням спят, у них кони в стойлах стоят, оружие в погребах ржавеет. У них помощи попросите и идите Русь воевать. Вот королевичи так и сделали. Получили они из Девонской земли и бойцов, и коней, и золото. Собрали войско большое и пошли Русь воевать. Подъехали они к первому селу - Спасскому, всё село огнём сожгли, всех крестьян вырубili, детей в огонь бросили, женщин в плен взяли. Заскочили во второе село - Славское, разорили, сожгли, людей повырубili... Подошли к селу большому - Переславскому, разграбили село, сожгли, людей вырубili, в плен взяли княгиню Настасью Дмитриевну с малым сыном, двухмесячным. Обрадовались королевичи-рыцари лёгким победам, раздёрнули шатры, стали веселиться, пировать, русских людей поругивать... - Мы из русских мужиков скотину сделаем, вместо волов в сохи запряжём!.. А князь Роман Дмитриевич в эту пору в отъезде был, далеко на охоту ездил. Спит он в белом шатре, ничего о беде не знает. Вдруг села пташка на шатёр и стала приговаривать: - Встань, пробудись, князь Роман Дмитриевич, что ты спишь непробудным сном, над собой невзгоды не чуешь: напали на Русь злые рыцари, с ними два королевича, разорили сёла, мужиков повырубili, детей пожгли, твою сестру с племянником в плен взяли! Проснулся князь Роман, вскочил на ноги, как ударил в гнев о дубовый стол-разлетелся стол на мелкие щепочки, треснула под столом земля. - Ах вы, щенки, злые рыцари! Отучу я вас на Русь ходить, наши города жечь, наших людей губить! Поскакал он в свой удел, собрал дружину в девять тысяч воинов, повёл их к реке Смородиной и говорит: - Делайте, братья, липовые чурочки. Каждый на чурочке свое имя подписывай и бросайте эти жребья-чурочки в реку Смородину. Одни чурочки камнем ко дну пошли. Другие чурочки по быстрине поплыли. Третьи чурочки по воде у берега все вместе плавают.

Объяснил дружине князь Роман: - У кого чурочки ко дну пошли - тем в бою убитыми быть. У кого в быстрину уплыли, - тем ранеными быть. У кого спокойно плавают, - тем здоровыми быть. Не возьму я в бой ни первых, ни вторых, а возьму только третьих три тысячи. И ещё Роман дружине приказывал: - Вы точите острые сабли, заготавливайте стрелы, коней кормите. Как услышите вы вороний гай, - седлайте коней, как услышите во второй раз ворона, - садитесь на коней, а услышите в третий раз, - скачите к шатрам злых рыцарей, опуститесь на них как соколы не давайте пощады лютым врагам! Сам князь Роман обернулся серым волком, побежал в чистое поле к вражьему стану, к белым шатрам полотняным, у коней поводья перегрыз, разогнал коней далеко в степь, у луков тетивы пообкусывал, у сабель рукоятки поывертел... Потом обернулся белым горностаем и забежал в шатёр. Тут два брата королевича увидели дорогого горностая, стали его ловить, по шатру гонять, стали его шубой соболиной прикрывать. Накинули на него шубу, хотели схватить его, а горностаю ловок был, через рукав из шубы выскочил - да на стенку, да на окошечко, с окошечка в чистое поле... Обернулся он здесь чёрным вороном, сел на высоком дубу и громко каркнул. Только в первый раз ворон каркнул, - стала русская дружина коней седлать. А братья из шатра выскочили: - Что ты, ворон, над нами каркаешь, каркай на свою голову! Мы тебя убьём, кровь твою по сырому дубу прольём! Тут каркнул ворон во второй раз, - вскочили дружинники на коней, приготовили наточенные мечи. Ждут-пождут, когда ворон в третий раз закричит. А братья схватились за луки тугие: - Замолчишь ли ты, чёрная птица! Не накликай на нас беды! Не мешай нам пировать! Глянули рыцари, а у луков тетивы порваны, у сабель рукоятки отломаны! Тут крикнул ворон третий раз. Помчались вихрем русские конники, налетели на вражий стан! И саблями рубят, и копьями колют, и плётками бьют! А впереди всех князь Роман, словно сокол, по полю летает, бьёт наёмное войско девонское, до двух братьев добирается. - Кто вас звал на Русь идти, наши города жечь, наших людей рубить, наших матерей слезить? Разбили дружинники злых врагов, убил князь Роман двух королевичей. Положили братьев на телегу, отослали телегу Чимбалу-королю. Увидел король своих племянников, запечалился. Говорит Чимбал-король: - Много я лет на свете живу, много людей на Русь насканивало, да не видел я, чтобы они домой пришли. Я и детям и внукам наказываю: не ходите войной на великую Русь, она век стоит не шатается и века простоит не шелохнется! *** Рассказали мы про дела старые. Что Про старые, про бывалые, Чтобы море синее успокоилось, Чтобы добрые люди послушались, Чтобы молодцы призадумались, Что века не меркнет слава русская!

Добрыня и Алёша

Во стольном городе во Киеве,
А у ласкового князя у Владимира,
Заводился у князя почестный пир
А на многи князя, на бояра
И на все поляницы удалые.

Все на пиру напивались,
Все на пиру наедались,
Все на пиру да пьяны-веселы.

Говорит Владимир стольно-киевский:

- Ай же вы князи мои, бояра,
Сильные могучие богатыри!
А кого мы пошлем в Золоту Орду
Выправлять-то даней-выходов
А за старые года, за новые -
За двенадцать лет.
А Алешу Поповича нам послать,

Так он, молодец, холост, не женат:

Он с девушками загуляется,
С молодушками он да забалуется.
А пошлемте мы Добрынюшку Никитича:
Он молодец женат, не холост,
Он и съездит нын в Золоту Орду,
Выправит дани-выходы
Да за двенадцать лет.

Написали Добрыне Никитичу посольный лист.

А приходит Добрынюшка Никитинич к своей матушке,
А к честной вдове Амельфе Тимофеевне,

Просит у ней прощеньица-благословеньица:

- Свет государыня, моя матушка!
Дай ты мне прощенье-благословеньице
Ехать-то мне в Золоту Орду,
Выправлять-то дани-выходы за двенадцать лет.
Остается у Добрыни молода жена,
Молода жена, любима семья,
Молода Настасья Микулична.

Поезжат Добрыня, сам наказывают:

- Уж ты ай же моя молода жена,
Молода жена, любима семья,
Жди-тко Добрыню с чиста поля меня три года.
Как не буду я с чиста поля да перво три года,

Ты еще меня жди да и друго три года.

Как не буду я с чиста поля да друго три года,
Да ты еще меня жди да третье три года.
Как не буду я с чиста поля да третье три года,
А там ты хоть вдовой живи, а хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за сильного поди ты за богатыря.
А только не ходи ты за смелого Алешу Поповича,
Смелый Алеша Попович мне крестовый брат,
А крестовый брат паче родного.

Как видели-то молодца седучнсь,
А не видели удалого поедучись.
Да прошло тому времечка девять лет,
А не видать-то Добрыни из чиста поля.
А как стал-то ходить князь Владимир свататься
Да на молодой Настасье Микуличне

А за смелого Алешу Поповича:
- А ты с-добра не пойдешь, Настасья Микулична,
Так я тебя возьму в портомойницы,
Так я тебя возьму еще в постельницы,
Так я тебя возьму еще в коровницы.
- Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты еще прожди-тко три года.

Как не будет Добрыня четверто три года,
Так я пойду за смелого Алешу за Поповича.
Да прошло тому времени двенадцать лет,
Не видать, не видать Добрынюшки с чиста поля.
Ай тут пошла Настасья Микулична
Да за смелого Алешу Поповича.

Да пошли они пировать-столовать к князю Владимиру.
Ажно мало и по мало из чиста поля
Наезжал удалой дородный добрый молодец.

А сам на коне быв ясен сокол,
А конь тот под ним будто лютый зверь.
Приезжает ко двору да ко Добрынину -
Приходит Добрыня Никитич тут
В дом тот Добрыниный.
Он крест тот кладет по-писаному,
Да поклон тот ведет по-ученому,

Поклон ведет да сам здоровствует:

- Да ты здоровствуй, Добрынина матушка!
Вчера с твоим Добрынюшкой разъехался,
Он велел подать гусли скоморошные,
Он велел подать платья скоморошьи,
Он велел подать дубинку скоморошьёю,
Да иди мне ко князю Владимиру да на почестен пир.

Говорит тут Добрынина матушка:

- Отойди прочь, детина засельщина,
Ты засельщина детина, деревенщина!
Как ходят старухи кошельницы,

Только носят вести недобрые:

Что лежит убит Добрынюшка в чистом поле,
Головой лежит Добрыня ко Пучай-реке,
Резвыми ножками Добрыня во чисто поле,
Скрозь его скрозь кудри скрозь желтые
Проросла тут трава муравая,
На траве расцвели цветочки лазуревы,
Как его-то теперь молода жена,
Молода жена, любима семья,
Да выходит-то за смелого Алешу за Поповича.

Он ей и говорит-то второй након:

- Да ты здоровствуй ли, Добрынина матушка,
Ты честна вдова Амельфа Тимофеевна!
? вчера с твоим Добрынюшкой разъехался.
Он велел подать гусли скоморошные,
Он велел подать платья скоморошьи,
Он велел подать дубинку скоморошьёю
Да иди мне к князю Владимиру да на почестен пир.

- Отойди прочь, детина засельщина!

Кабы было живо мое красное солнышко,
Молодой тот Добрынюшка Никитинич,
Не дошло бы те, невеже, насмехатися,
Уж не стало моего красного солнышка,
Да не что мне делать с платьями скоморошьими,
Да не что мне делать с гусями скоморошьими,
Да не что мне делать с дубинкой скоморошьёю.

Тут-то ходила в погреба глубоки,
Принесла она платья скоморошьи,
Приносила гусельшки яровчаты,
Принесла она дубину скоморошьёю.
Тут накрутился молодой скоморошинко,

Удалый добрый молодец,
Да пошел он к князю Владимиру на почестный пир.

Приходил он во гридню столовую,
Он крест тот кладет по-писаному,
Да поклон ведет по-ученому,
Он кланяется да поклоняется
Да на все на четыре на стороны.

Он кланяется там и здравствует:
- Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский,
Да со многими с князьями и со боярами,
Да со русскими могучими богатырями,
Да со своей-то с душечкой со княгиней со Апраксией!

Говорит ему князь Владимир стольно-киевский:
- Да ты поди-тко, молода скоморошинка!
А все тыи места у нас нынь заняты,
Да только местечка немножечко
На одной-то печке на муравленой.
Да тут скочил молода скоморошинка
А на тую-ту печку на муравлену.

Заиграл он в гуселушки яровчаты.
Он первую завел от Киева до Еросолима,
Он другу завел от Еросолима да до Оаряграда,
А все пошли напевки-то Добрынины.
Ай тут-то князь Владимир распотешился,

Говорит он молодой скоморошинке:
- Подь-тко сюды, молода скоморошинка!
А я тебе дам теперь три места:
А первое-то место подле меня,
А другое место опротив меня,
Третье против княгини Настасьи Микуличны.

А тут-то молода скоморошинка
Садился он в скамейку дубовую,
Да против Настасьи Микуличны.
А тут-то Настасья Микулична
Наливала она чару зелена вина в полтора ведра
Да турий тот рог меду сладкого,
Подносила она Добрынюшке Никитичу.

А й тут-то Добрынюшка Никитинич
Да брал он чару зелена вина в полтора ведра,

А брал он чару единой рукой,
Выпивал он чару на единый дух,
Да й турий рог выпил меду сладкого,
Да спускал он в чару перстень злачёный,
Которым перстнем с ней обручался он.

Да говорит он Настасье Микуличне:
- Ты гляди-тко, Настасья Микулична,
Во чару гляди-тко злаченую.
Как поглядела Настасья Микулична
В тую чару золочёную,
Взяла в руки злачен перстень.

Говорит тут Настасья Микулична:
- Да не тот муж - который подле меня сидит,
А тот мой муж - который противо меня сидит.
А тут-то Добрыня Никитинич,
Да скочил Добрыня на резвы ноги,
Да брал Алешу за желты кудри,
Да он выдергивал из-за стола из-за дубового,
А стал он по гридне потаскивать,

Да стал он Алеше приговаривать:
- Не дивую я разуму женскому,
Да дивую я ти, смелый Алеша Попович ты,
А ты-то, Алешенька, да мне крестовый брат*.
Да еще тебе дивую, старый ты
Князь Владимир стольно-киевский!
А сколько я те делал выслуг-то великих,
А ты все, Владимир, надо мной надсмехаешься.

Да теперь я выправил из Золотой Орды,
Выправил дани и выходы
За старые годы, за новые.

Везут тебе три телеги ордынские:
Три телеги злата и серебра.
Тут он взял свою молодую жену,
Молодую жену, любимую семью,
Да повел Добрыня к своей матушке.
Да тут ли Алешенька Попович тот,
Да ходит по гридне окоракою**,

А сам ходит приговаривает:
- Да всяк-то на сем свете женится,
Да не всякому женитьба удавается.

А только Алешенька женат бывал.

* - Крестовый брат - Добрыня и Алеша обменялись нательными крестами и стали "крестовыми братьями".

** - Да ходит по гридне окоракою - ходит по палате, комнате на четвереньках.